

О.А. Джарман

КУЛЬТ ИМПЕРАТОРА В ДРЕВНЕМ РИМЕ И ИТАЛИИ В МЕЖЗАВЕТНУЮ И РАННЕХРИСТИАНСКУЮ ЭПОХУ

Культе императора существовал в Римской империи с восшествия на престол первого императора Октавиана Августа и до обращения в христианство императора Константина в 312 г. по Р.Х. Между императорским культом в Риме, Италии и присоединенных в результате завоеваний провинциях Малой Азии и в Египте имелись существенные различия. Религиозное восприятие фигуры правителя-императора римлянами (как в самом Риме, так и в Италии) разнилось с эллинистическим. Это отличие было обусловлено иным, чем у греков, религиозным мироощущением римлян: в божестве они видели не столько абстракцию, сколько действие. Религиозный, неметафизически ориентированный, но сильный и живой ум римлян питал интерес к конкретному событию. Поклоняющийся императору поклонялся не господину, «dominus», или главе семьи, «pater familias», или патрону, но живому божеству. И это возводило поклоняющегося на совершенно другой уровень — он не был клиентом, он был «участником жертвенника» живого бога — императора. Отсюда религиозный энтузиазм римлян нельзя свести просто к лести и человекоугодничеству. Поклоняющиеся богу-императору, а не его гению, не желали быть клиентами у патрона — они хотели быть свободными римлянами перед своим живым богом.

Ключевые слова: культурология, античность, Древний Рим, император, императорский культ, древнеримская религия, античное христианство, Римская империя, Октавиан Август.

Культе императора существовал в Римской империи с восшествия на престол первого императора Октавиана Августа и до обращения в христианство императора Константина в 312 г. по Р.Х.¹ Между императорским культом в Риме, Италии и присоединенных в результате завоеваний провинциях Малой Азии и в Египте имелись существенные различия. Так, например, считается, что собственно культа живого императора (Августа) в Риме и провинциях не было, а имелось поклонение его гению, в то время как в Малой Азии и Египте культ

Ольга Александровна Джарман — кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры истории медицины Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета.

¹ Woolf G. Divinity and Power in Ancient Rome // Religion and Power. Divine Kingship In the Ancient World and Beyond / Ed. Brisch N. The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institutes Seminars. Chicago, Illinois: University of Chicago, 2008. P. 243.

осуществлялся по эллинистической модели «божественного правителя». Традиционным стало противопоставление формальности, неискренности императорского культа в Риме — культу в провинциях. Как мог римлянин искренне считать императора, человека — притом человека, который жил рядом с ним, которого он знал близко, (возможно, с ранних лет), возлежал с ним на пирах, а то и помогал ему добиться самой императорской власти — как мог он искренне и нелицемерно считать его богом?

Культ римского императора пристально изучался на протяжении двадцатого века, при этом история вопроса претерпела ряд достаточно крутых поворотов.

В конце XX в. появилось мнение, в настоящее время широко принятое в научном мире и состоящее в том, что ученый-исследователь, будучи воспитанным в христианской цивилизации и впитавшим идею монотеизма, невольно переносит понятия, выработанные в ней за две тысячи лет, на античный мир. К этим понятиям относится определение божества как трансцендентной реальности и вытекающей из него абсолютной противоположности Творца и твари, а также противопоставление или разделение религии и политики. Так, традиционным является воззрение, что культ живого человека, императора, был не искренним проявлением религиозного чувства, а разновидностью грубой лести². В настоящее время такой подход оспаривается, и мировоззрение античного человека рассматривается как всецело религиозное, в котором религия неотделима от жизни и тесно вплетена во все ее области, будь то политика или семья.

«Наш взгляд на религию как на аспект человеческой духовности, отделенный от других сфер человеческого опыта, по сути — чисто христианский, и подходящий только для определения христианства, так как этот взгляд рожден в лоне христианской культуры. Если мы примем этот подход, то вынуждены будем констатировать, что другие культуры, в том числе, языческие Рим и Греция, не имеют, в таком случае, “религиозного измерения”. “Другой мир”, “божественное” образуют нечто целое с другими проявлениями человеческой жизни, в том числе и с политикой, и не могут быть отделены и “анатомирова-

²*Klauck H.-J.* The Religious Context of Early Christianity: A Guide to Graeco-Roman Religions. Edinburgh, 2000. P. 397 (английский перевод немецкого оригинала: *Klauck H.-J.* Die Religioese Umwelt des Urchristentums // Kohlhammer Studienbucher Theologie. Vols. 9, 1 and 9, 2. Stuttgart, 1995–1996).

ны». Нам, наследникам христианской цивилизации, очень легко впасть в ошибку и перенести наши категории на античный мир»³.

При этом понятия «бога» и «божественного» в сознании античных людей, в отличие от христианской религии, не формулируются догматически. Это — совершенно не та система, которая была выработана в ходе тринитарных и христологических споров на христианском Востоке и Западе. Сутью религии античности, ее сердцем и языком являлась не догматика, а ритуал⁴.

Можно справедливо возразить, что богословие христианской церкви истекает из ее евхаристического, литургического опыта, но надо заметить, что именно богословия как такового античный мир не знал. Философия заговорила языком религии только в век великих каппадокийцев, осуществивших в IV в. грандиозный синтез античной философии и христианского евхаристического опыта Иисуса как Бога-Спасителя⁵.

³Gradel I. *Emperor Worship and Roman Religion*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. P. 5.

«Разделение царств — Божия и кесаря — начинается с ответа Иисуса о динарии кесаря (Мф 22:19) и продолжается в размышлениях Августина Иппонского в его труде “О граде Божием”. Там граница между двумя мирами прокладывается четко и определено. Поздние средневековые богословы потратили много чернил, чтобы определить различие между духовной и светской властью, которые, в некоторой степени, персонифицировались в фигурах папы и императора священной Римской империи на Западе и симфонии властей на Востоке, в Византии. Эти идеи, хотим мы того, или нет, во многом определили наш сегодняшний менталитет — он сформирован христианской цивилизацией», — пишет I. Gradel далее.

⁴Элиаде М. История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий. М., 2008. С. 7.

⁵I. Gradel, как вдумчивый представитель христианской протестантской традиции, считает, что роль ритуала здесь прямо противоположна христианству, «основывающемуся на слове Божием и догматах, вытекающих из него». Однако для христиан не-протестантского мира, в частности, для восточной традиции, культ и догмат не противопоставляются, напротив, как показал о. Александр Шмеман, культ (литургия, в частности, как центр христианского жертвоприношения) является источником догматов, ибо в нем осуществляется богообщение. «Наше учение согласно с Евхаристией, и Евхаристия подтверждает наше учение», — говорит о том же сщмч. Ириней Лионский — современник римских императоров (цит. по: *Успенский Н. Анафора // Богословские труды. № 13. М., 1975. С. 73*). Догматический расцвет, начавшийся с эпохи Соборов, приходится на IV век, когда империя становится христианской. В эпоху гонений нет возможности иметь в одной общине даже все книги Писания, и тем более нет возможности разрабатывать сложное богословие с различениями понятий «сущность» и «ипостась» или решить вопросы христологии. Тем не менее, христианская община первых трех веков показывает пример всем общинам веков последующих, находящихся, образно говоря, «при Писании и обрезании», имеющих возможность

«Инаковость» греко-римской религии сейчас общепризнанна исследователями⁶.

I. Gradel в монографии, изданной в Оксфорде в 2002 г., не только прослеживает эти этапы изучения культа императора, но и представляет новый подход, базирующийся на факте четкого различия в римском законодательстве («*fas*» — законодательство религиозное, в отличие от законодательства гражданского, «*ius*») культа государственного и культа частного, а также особенностей религиозно-социальной характеристики поклонению гению человека. Автор намеренно ограничивается Римом и не рассматривает, говоря его же словами «римско-греческую дихотомию», что приносит свои научные плоды. Его находки и выводы крайне интересны и оригинальны, при этом фактологический материал, используемый этим современным исследователем, позволяет посмотреть на императорский культ Рима в ином ракурсе. Он дает возможность увидеть его новые, доселе ускользающие из вида черты, и через два тысячелетия, отделяющие нас от времени Августа, поразмышлять о причинах, побуждавших римлянина — и плебея, и патриция, и даже раба — найти смысл и цель своей жизни во Христе.

Несмотря на использование монографии I. Gradel, другие авторитетные западные авторы, особенно такие, как L.R. Taylor, D. Fishwick⁷, A.J. Festugière⁸, A.D. Nock, E. Bickerman нисколько не теряют своей актуальности при изучении данного вопроса. Из отечественных авторов этой темой занимались И.М. Дьяконов, И.С. Свенцицкая⁹, Е.С. Голубцова, Е.М. Штаерман¹⁰.

богословствовать и читать Писание безбоязненно. Раннехристианская община жила культом, вернее, Евхаристией, как богообщением, где находила все — в том числе и богословие, которое потом было выражено в философских греческих терминах великими каппадокийцами и их последователями на соборах.

⁶*Scheid J.* Religion et piété à Rome. 1985. P. 7; *Price S.R.F.* Rituals and Power: Roman Imperial Cult in Asia Minor. Cambridge, 1985. P. 15; *Gradel I.* Emperor Worship... P. 6.

⁷*Fishwick D.* The Development of Provincial Ruler Worship in the Western Roman Empire // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. II. Principat.* 16. 2. Berlin; New York, 1978. P. 1201–1253.

⁸*Festugière A. J.* Le monde gréco-romain au temps de notre Seigneur. Paris, 1935. P. 217–223.

⁹История древнего мира. Упадок древних обществ / Под ред. Дьяконова И.М., Нероновой В.Д., Свенцицкой И.С. М., 1989. 302 с.

¹⁰Культура древнего Рима / Под ред. Е.С. Голубцовой Т. 1. М., 1985. 429 с.

Власть и божественность в Риме до Юлия и Августа

Начало культа императора в Риме связано с именем Гая Юлия Цезаря Октавиана, внучатого племянника и приемного сына Гая Юлия Цезаря.

Первым образцом для культа Августа был культ его предшественника — Юлия Цезаря. Образцом для подражания для Юлия Цезаря, как и для многих полководцев того времени (и далее самого Октавиана) был Александр Великий, или Македонский. Кроме своих знаменитых ратных деяний, Александр совершил еще одно дело, перевернувшее античный мир — он провозгласил себя богом, Дионисом во плоти¹¹. Эта идея нашла благодатную почву на эллинистическом Востоке — практически все цари, от великих до самых малых, правившие на том огромном пространстве, которое в ходе завоевание Александра было включено в ру сло греческого языка и культуры, получали божественные почести и назывались «богами», «благодетелями», «спасителями» и т.п.

За два столетия, предшествующие приходу к власти Цезаря, жители Римской республики, благодаря контактам с покоренными странами греческой культуры вполне усвоили те греческие идеи, на которых базировалась сама возможность деификации, возведения в достоинство бога. Представление о «сверхчеловеке», ином, чем другие смертные, было весьма привлекательным, но в то же время образ эллинистического монарха был отвратителен для благородного римлянина¹².

Обычно считается, что поклонение человеку как богу было чуждо римскому менталитету в период Республики¹³, и лишь контакты с эллинистической средой сделали римлян более привычным к этим восточным по сути понятиям. Однако несправедливо было бы полагать, что идея божественной власти была полностью чужда римскому народу и была принесена с Востока.

Согласно современным исследованиям, трудно сказать, когда греческая цивилизация начала влиять на латинян и их культуру, вернее, когда она не вли-

¹¹*Nock A.D.* Notes of Ruler-Cult, I–IV // *The Journal of Hellenistic Studies*. Vol. 48. Part I. 1928. P. 23–24.

¹²*Ferguson E.* Backgrounds of Early Christianity. Michigan, 1987. P. 161.

¹³*Taylor L.R.* The Divinity of the Roman Emperor. Middletown, Connecticut, 1931. P. 54; *Warde Fowler W.* Romans Ideas of Deity. Oxford, 1911. P. 428.

яла на нее. Вряд ли существовала «до-греческая римская религия» и «чистая римская религия»¹⁴.

Безусловно, в поздний период Республики Рим находился под сильным греческим влиянием, но первичный контакт с греческой культурой произошел гораздо ранее благодаря этрусскому¹⁵ влиянию на римлян.

При анализе республиканской религии выявляются следующие тенденции, которые подробно описывает G. Woolf в своей статье¹⁶.

Во-первых, римляне твердо верили, что за два с половиной столетия до образования олигархической республики ими правили **цари**. Многие воспоминания о царском периоде были резко отрицательными и напоминают истории греков о времени тиранов. Однако есть и положительные воспоминания — особенно об основателях Рима, а также культ, основанный на традиции, восходящей к этим царям¹⁷. Римляне почитали как богов древних царей Пика, Фавна и Латина, правивших в Лациуме¹⁸, о которых в «Георгиках» пишет Вергилий (I. 498):

Боги вы нашей земли, Индигеты, Ромул, мать Веста!
Вы, что Тускский Тибр с Палатином римским храните!¹⁹

Создание римской религиозной системы приписывается царю Нуме, возлюбленному нимфы Эгерии. Ромул, мифический основатель Рима, по преданию — сын Марса, в конце своего царствования он был вознесен на небо (*Плутарх*. Ромул. 27. 7²⁰), и его почитали как Квирина. Более древний предок-основатель, Эней, считался выходцем из Трои, бежавшим в Италию во время

¹⁴Muth R. *Römische Religio // Serta philologica Aenipotana*. 7/8. 1961. P. 247–250.

¹⁵Так, одежда Юпитера и, соответственно, полководца-триумфатора пришла от этрусков (*Gradel I. Emperor Worship...* P. 35).

¹⁶Woolf G. *Divinity and Power in Ancient Rome*. P. 243–245.

¹⁷Fears J.R. *Princeps a diis electus: The Divine Election of the Emperor as a Political Concept at Rome*. *American Academy in Rome Papers and Monographs*. 26. Rome: American Academy. P. 85–119.

¹⁸Cuss D.F.C.J. *Imperial Cult and Honorary Terms in the New Testament*. The University Press Fribourg. 1974. P. 29.

¹⁹Здесь и далее текст приводится по изданию: *Публий Вергилий Марон*. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худож. литература, 1971.

²⁰Здесь и далее ссылки и текст приводятся по изданию: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1994.

Троянской войны, считался сыном Венеры. Юлий, один из сыновей Энея, был основоположником римского рода Юлиев. Статуя Венеры Генетрикс (Родоначальницы) стояла в храме²¹ на форуме Цезаря²².

Предание гласило, что до Энея место будущего основания Рима посетил Геркулес. Ему совершался культ у Ара Махіта рядом с портом на Тибре. Считалось, что Геркулес тоже был вознесен после смерти.

Даже во время Республики некоторые ритуальные функции выполнял «*rex sacrorum*» — буквально «царь ритуалов». Это явно подразумевает сакральную роль царей²³.

Во-вторых, в руках правящей аристократии, заменившей царей, также была сосредоточена сакральная власть разного рода. Многие аристократические фамилии считали (и мы не можем сказать, насколько серьезно или несерьезно они это воспринимали) богов своими предками. Так, Юлии вели свой род от Венеры.

Религиозное главенство в Риме имел Сенат, совет бывших магистратов, которые оставались в нем пожизненно. Именно декретом Сената был запрещен культ Вакха в 186 г. до Р.Х. (после чего последовали репрессии). Сенат разрешал ведение новых культов, и, как правило, о введении того или иного культа ходатайствовала коллегия жрецов. Ей же поручалось во время кризиса обращаться к Сивиллиным книгам, исполнявшим роль оракула. Сенаторы монополизировали членство в этой и других значимых жреческих коллегиях.

Некоторые виды жречества, например, *flamen Dialis* — фламин Юпитера, могли иметь только люди, принадлежащие к узкому кругу семей, то есть патриции, которые вели свой род от сенаторов «времен царей». Сенат имел в первую очередь религиозный, а не светский авторитет и связанное с ним превосходство над прочими гражданами в государстве²⁴.

Некоторые важные ритуалы требовали присутствия этой римской элиты для ролевого представления богов. Наиболее известным из таких представлений является триумф, в котором полководец-победитель, неподвижно стоящий на колеснице, торжественно проезжал по Риму.

²¹ *Weinstock S. Divus Julius. Oxford, 1971. P. 56.*

²² Цезарь позже поместил в него и статую Клеопатры.

²³ *Woolf G. Divinity and Power in Ancient Rome. P. 243.*

²⁴ *North J. Democratic Politics in Republican Rome // Past and Present. 1990. № 126. P. 3–21.*

На нем была пурпурная мантия, которую потом заменила вышитая тога (« *toga picta*»), в руках его был скипетр с фигурой орла, на голове — золотой венчик. Лицо его было покрыто красной краской, охрой, как лик Юпитера Капитолийского. Царь, а позже триумфатор, был одет, как Юпитер, и являлся народу, как земной Юпитер. Есть мнение, что это были одежды не Юпитера собственно, а царя этрусков, которые потом были перенесены на Юпитера²⁵.

Другой подобный ритуал, как служение богине Весте, исполнялся весталками, незамужними женщинами из аристократических семей²⁶.

В прочих ритуалах статуи богов несли с почетом по городу или ставили на пирах в домах римской аристократии²⁷.

Власть «*pater familias*» (главы семьи) в отношении его рабов была безграничной, но этого, однако, нельзя сказать в отношении его жены и детей²⁸. Для своих рабов (и вольноотпущенников) он был эдаким «царьком», они находились под его властью, «*potestas*». Вольноотпущенники, хотя и не были рабами, должны были демонстрировать верность — «*fides*». Бывший хозяин теперь становился их патроном. Вольноотпущенники были также частью римской фамилии. Также существовали и паразиты — бедные люди, питавшиеся от стола фамилии и бывшие практически на положении вольноотпущенников. Все эти люди — рабы (*servi*), вольноотпущенники (*liberti*), паразиты (*parasiti*) и другие незнатные люди, которые прибегали под покровительство главы семьи в обмен на верность ему (*fides*) — были клиентами (*clientes*) и составляли клиентуру главы семьи²⁹.

Монархическая власть, принадлежащая *pater familias*, была постоянной, законной и наследственной. Гений главы семьи был объектом поклонения в имении. Поклонение совершали рабы, вольноотпущенники и другие клиенты. Неясно, насколько в этот культ были вовлечены жена и дети.

В период империи поклонение гению императора было знаком рабского положения, положения вольноотпущенника, клиента — социальной стигмой³⁰.

²⁵ *Gradel I. Emperor Worship...* P. 35.

²⁶ *Woolf G. Divinity and Power in Ancient Rome.* P. 244.

²⁷ *Ibidem.*

²⁸ *Saller R.P. Patriarchy, Property and Death in the Roman Family.* Cambridge University Press, 1994. P. 102.

²⁹ *Saller R.P. Personal Patronage under the Early Empire,* 1982. P. 155.

³⁰ *Gradel I. Emperor Worship...* P. 36.

Бесценным источником описания римского быта является римская комедия. Однако этот источник требует правильного подхода. Необходимо осознать, что взрывы хохота в аудитории вызывало то, что автор, как в неких Сатурналиях, менял все местами, и речи рабов говорили господа, а господа вели себя как рабы. От обычных описаний быта никто смеяться бы не стал³¹.

В одной из пьес Плавта («Псевдол») изображен находчивый раб Баллион, обманывающий своего молодого хозяина, влюбленного в девушку-рабыню Финикию Каллидора. Хозяин Финикии грозит продать ее, но хитрый раб улаживает дело. После этого Каллидор восклицает, веля другому рабу:

Скорее приготовь заклание,
Мясников веди, животных жертвенных вот этому
Вышнему Юпитеру! Он выше Юпитера!³² (Псевдол. 323 и далее)

В другой пьесе того же Плавта (Ослы. 660–710) (кстати, цитата из этой комедии стала поговоркой «человек человеку волк») мы видим другого юного и влюбленного безумца, хозяйского сына Аргириппа. Раб Либан хитроумно достал для Аргириппа деньги на покупку его возлюбленной — рабыни Филении, но прежде чем вернуть их, устраивает настоящие Сатурналии, римский праздник, во время которого все идет «шиворот-навыворот», люди меняются социальными ролями. Либан заставляет молодого хозяина встать перед ним, рабом, на четвереньки, и ездит на нем, как на коне, потом требует, чтобы Филения обняла и поцеловала его, а потом доходит до такого состояния, которое современный психиатр назвал бы манией величия. «Я отдам тебе деньги, если ты воздвигнешь мне статую и алтарь и принесешь мне быка как богу — прямо здесь! Ибо я — твое спасение (Salus, римское божество)!». Это все, конечно, несерьезно, но это, несомненно, инверсия, и инверсия того, что существовало на самом деле: для раба хозяин был богом и спасением³³.

В другой пьесе Плавта (Пленники. 860) снова имеется подобная инверсия реальности. Паразит Эргасил приносит хорошие вести пожилому римскому

³¹Hanson J.A. Plautus as a Source Book for Roman Religion // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1959. № 90. 48–101; Gradel I. Emperor Worship... P. 49.

³²Здесь и далее текст приводится по изданию: *Тит Макций Плавт*. Собр. соч. В 3-х т. Т. 2. М., 1997.

³³Gradel I. Emperor Worship... P. 50.

гражданину о том, что его сын жив, и напрямую требует, чтобы привели ягненка и приготовили все для жертвоприношения **ему, параситу**, «ибо я для тебя — сильнейший Юпитер, и Спасение, и Удача, и Свет, и Радость, и Счастье» (перечисляются соответственно имена богов: *Salus, Fortuna, Lux, Laetitia, Gaudium*). Прочие примеры подобных мест у Плавта также приводятся в литературе³⁴.

Параситу надо в этом случае поклониться «как богу», а для несчастного и обрадованного отца он **и есть бог**.

В мировоззрении римлянина **богом** мог стать всякий — вопрос в том, **для кого** богом.³⁵

Так, четырехлетний умерший мальчик в надписи, сделанной его безутешными родителями именуется «ты — наш бог» и выражается уверенность в том, что они будут под его защитой³⁶.

Другой пример, возвращающий нас на поле брани, столь близкое по духу каждому римлянину, состоит в следующем. Если один из воинов во время битвы спасал другому жизнь, то спасителя венчали «*согона civica*» — венком из листьев дуба, дерева Юпитера³⁷.

История дубового венка как награды упоминается в источниках с III в. до Р.Х. Сначала венки сплетал сам спасенный, в дальнейшем это была награда, присуждаемая герою командующим битвой³⁸.

Спасение жизни было величайшим *benefacío*, благодеянием — и с этим сложно не согласиться. Спасенный должен был чтить спасителя, как своего отца, *pater familias*. Поскольку дуб был символическим деревом Юпитера и, тем

³⁴*Hanson J.A.* Plautus as a Source Book for Roman Religion... P. 48–101.

³⁵*Gradel I.* Emperor Worship... P. 48.

³⁶*Pleckett H.W.* An Aspect of the Emperor Cult: Imperial Mysteries // *Harvard Theological Review*. V. 58. № 4. 1965. P. 334. Note 14.

³⁷Имеется следующее мнение исследователей. Дерево Юпитера Величайшего — это более благородный *Quercus robur*, в частности, его разновидность — зимний дуб, который цветет в начале лета, находясь, таким образом, без цветения дольше, чем вторая разновидность, летний дуб, который цветет в середине или конце весны. «Юпитера земного», то есть воина-спасителя венчали «короной» из более простого *Quercus ilex*, *Дуб каменный*. Однако I. Gradel справедливо замечает, что венок делали просто из того дуба, который рос рядом с полем боя.

³⁸*Gradel I.* Emperor Worship... P. 49.

самым, его иерофанией³⁹, то спаситель становился для спасенного Юпитером. Следует напомнить, что боги для римлянина — это не персонифицированные существа, а именно «действие», в данном случае — «спасение от смерти».

Параллель между *pater familias* и Юпитером здесь прослеживается очень явно. Глава семьи, как и спаситель воина, был Юпитером, но не для всего народа римского, а для ограниченного теми или иными условиями (спасение, принадлежность к римской семье-фамилии) круга лиц.

Октавиан Август в 27 г. до Р.Х. спас отечество от гражданской войны и после этого получил привилегию иметь дубовый венок из золота на дверях своего дома. Здесь прослеживается двойной смысл. Во-первых, он спас от бессмысленной смерти в братоубийственной войне бесчисленное множество своих сограждан. Во-вторых, это был символ все усиливающейся власти, власти монарха — и неслучайно Юпитеров венок стал эмблемой последующих императоров.

Еще до этого события, в 86 г. до Р.Х. претору Марию Гратидиану были воздвигнуты статуи и совершены возлияния в компитах, городских святилищах, в рамках частного культа, в благодарность за начатые им денежные реформы⁴⁰.

В конце II до Р.Х. великому победителю тевтонов и кимбрийцев Гаю Марию римляне стали делать возлияние за обедом — также, как своим домашним богам. Это тоже относится, несомненно, не к государственному, а к частному культу.

Наиболее ярким примером будет, пожалуй, речь римского оратора Цицерона к знатному римлянину П. Корнелию Лентулу Спинтеру⁴¹, использовавшему свои связи для того, чтобы вернуть Цицерона из ссылки. Цицерон пишет: «Отец мой, бог, и спасение [Salus — имя божества] моей жизни, моей судьбы, моего имени и памяти обо мне!» («*Parrens, deus, Salus nostrae vitae, fortunae, memoriae, nominis*»). Конечно, Цицерон не совершал богослужения Лентулу —

³⁹ «Иерофания» (от греч. *ιερός* (священный), и *φάνος* (светоч, свет) — проявление священного (религиоведческий термин, введенный М. Элиаде (*Элиаде М.* Священное и мирское. МГУ, 1994. С. 17)).

⁴⁰ Последующие два примера взяты из *Gradel I. Emperor Worship...* P. 49–50.

⁴¹ *Weinstock S. Divus Julius.* P. 293 и далее. Публий Корнелий Лентул Спинтер в заговоре против Цезаря и его убийстве не участвовал, но позже выдавал себя за одного из участников заговора, желая разделить их славу.

оба были сенаторами, равенство социального статуса делало это практически невозможным, но публичная похвальная речь была ответом оратора на полученное им благодеяние. Это все тот же принцип — «do ut des» — обмен дарами, «даю, чтобы ты дал», основной принцип религиозной жизни римлян⁴².

Рим распространил свое владычество над той частью мира (именно, Малой Азией, Грецией и Египтом), где культ правителя (понимаемый в широком смысле) уже существовал в разнообразии форм. О культе правителя среди народов, живших к северу от Альп, на Иберийском полуострове, в Северной Африке, известно мало. На востоке от Адриатического моря, однако, существовало множество разновидностей этого культа, истоком которых был, в первую очередь, культ, явившийся результатом взаимопроникновения верований и культур, начало которому положил Александр Великий (Македонский) и продолжили его диадохи. Александр был инициатором культа правителя, хотя определенный энтузиазм в народе уже имелся⁴³.

Это взаимопроникновение культов происходило на греческой (македонской) основе и традициях системы почестей, греческих полисов, оно использовало греческое изобразительное искусство (иконографию) и придворный ритуал Ахеменидов, который, в свою очередь, впитал элементы египетской, вавилонской и других религиозных традиций. Ахемениды не были богами в собственном смысле, но включались в сложную цепь взаимоотношений между ними и целой иерархией богов на подчиненных им территориях⁴⁴.

Придворный церемониал Ахеменидов, введенный Александром при своем дворе, как казалось грекам, включал почестей более, чем стоило оказывать смертному человеку⁴⁵. Но вскоре греки, а за ними и римляне, стали сами использовать эти ритуалы.

Сначала римские аристократы и военачальники, а затем императоры и их родственники, посещая регионы империи, получали от местных властей и обществ обычные для этой культуры почести. Можно составить целый список

⁴² Gradel I. Emperor Worship... P. 52.

⁴³ Taylor L.R. The Divinity of the Roman Emperor. P. 21–28.

⁴⁴ Kuhrt A. Usurpation, Conquest and Ceremonial: From Babylon to Persia // Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies / Ed. by Cannadine D. and Price S.R.F. Past and Present Publications. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 20–55.

⁴⁵ Дройзен И. История эллинизма. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1985. С. 366.

римских магистратов последних двух веков до Р.Х., которые получили божественные почести (*isothei timai*), а также царские регалии общественным голосованием в Греции⁴⁶.

Греки, воспринимавшие римлян как освободителей от захватчиков, были полны энтузиазма от той справедливости и законности, которые римляне устанавливали в завоеванной Греции⁴⁷. Тацит (Анналы. IV. 56)⁴⁸ рассказывает, что жители Смирны (Малая Азия) в 195 г. до Р.Х. в консульство Марка Порция возвели храм богине Роме. Жители самой Греции с восторгом встретили Тита Квинкция Фламинина, как своего освободителя. Везде ему были воздвигнуты алтари, в его честь пели хвалебные гимны и приносились жертвы, как пишет Плутарх, «даже до наших дней», и приводит концовку гимна:

Верность великую римлян мы чтим,
Клянемся ее охранять.
Девы, воспойте
Зевса великого, римлян и Тита.
О, Пэан Аполлон! О, Тит избавитель! (*Плутарх*. Тит. 16. 4)

Надписи свидетельствуют, что его имя писалось рядом с именами богов. В Халкиде есть посвящение — «Титу и Гераклу», «Титу и Аполлону». Плутарх пишет, что это почитание было абсолютно искренним из-за его благородства. Видимо, в других случаях подобные почести воздавались не только из-за благородства завоевателей, но и по другим, более низменным причинам. Греческая лесть недаром вошла в поговорку у римлян.

Римские правители провинций получали такие же почести от своих благодарных подданных. Самый яркий пример, пожалуй, Цицерон — в Киликии ему предложили статуи, святилища и скульптурные колесницы — но он от них отказался⁴⁹.

⁴⁶Price S.R.F. *Rituals and Power: Roman Imperial Cult in Asia Minor*. Cambridge, 1985. P. 40–47.

⁴⁷Cuss D.F.C.J. *Imperial Cult and Honorary Terms in the New Testament*. University Press Fribourg, 1974 P. 28–29.

⁴⁸Здесь и далее ссылки и текст приводятся по изданию: *Корнелий Тацит*. *Анналы* // *Корнелий Тацит*. Сочинения в 2-х т. Т. 2. СПб.: Наука, 1993.

⁴⁹Wolf G. *Divinity and Power in Ancient Rome*. P. 243–244.

После II Пунической войны особенно горячие поклонники Сципиона Африканского стали намекать на его божественное происхождение и особую близость к богам⁵⁰.

Известны истории почитания военачальников периода поздней Республики: Сертория в Испании, который ввело, согласно легенде, некое божество в виде оленя, и Юлия Цезаря в Галлии, где вплоть до 69 г. почиталась часть его «мощей»⁵¹.

Эти кажущиеся трансформации локальных религиозных туземных культов с целью приспособиться к религии завоевателей можно сравнить с карго-культами⁵².

Однако тот факт, что культ правителя прижился в западных провинциях, может свидетельствовать о подготовленной базе. Культ правителя может свидетельствовать также о кризисе местных религиозных систем⁵³.

Римские традиции в этом смысле очень отличались от греческих. Однако греческие идеи проникали в Рим, и такая тенденция развивалась и среди римлян. Они почитали таким образом своих «освободителей» — например, братьев Гракхов⁵⁴. После убийства Гракхов люди с помощью религиозного культа выказывали свою любовь к ним и печаль об их смерти. Статуи Гракхов были поставлены в заметных местах, сама земля, где они были убиты, была названа священной, туда приносили первые плоды урожая. Многие приходили и поклонялись статуям ежедневно, подобно тому, как перед статуями богов (*Плутарх*. Гай. Гракх. 17. 2).

После победы над кимбрами и тевтонами народ, приписывая победу Марию, называл его третьим основателем Рима и ему на застольях приносились возлияния наравне с богами (*Плутарх*. Марий. 27. 5).

⁵⁰Культура древнего Рима / Под ред. Голубцовой Е.С. Т. 1. М., 1985. С. 160.

⁵¹Woolf G. Divinity and Power in Ancient Rome. P. 245.

⁵²York M. Pagan Theology: Paganism as a World Religion. New York University Press, 2003. P. 11.

⁵³Woolf G. Divinity and Power in Ancient Rome. P. 245.

⁵⁴Charlesworth M.P. Some Observations on the Ruler Cult, Especially in Rome // Harvard Theological Review. XXXVIII. 1935. 1. P. 22.

Цицерон отказался от подобных почестей, которые были предложены в свое время Марию Гратидиану⁵⁵. Сам Цицерон считал, что умерших родных надо почитать, как богов.

Местные формы культа предков у римлян хорошо известны, хотя и не под этим именем. Благородные семьи сохраняли изображения своих выдающихся предков вместе с культовыми статуями ларов и пенатов, божеств семейного культа. Известное описание похорон знатного римлянина, описанное во II в. до Р.Х. историком Полибием, включает упоминание о процессии, в которой участвовали актеры в масках, изображающие выдающихся предков покойного. На ежегодном празднике, Паренталии, на могилах усопших родственников устраивалась трапеза, которая разделялась культовым образом с покойными.

Гладиаторские бои с непременно убийством одного из соперников также проводились на похоронах знатных римлян⁵⁶, и могут быть рассматриваемы как эквивалент человеческих жертвоприношений (однако римляне никогда их не считали таковыми).

Наиболее документированным свидетельством являются «божественные почести» («*caelestes honores*») Юлию Цезарю в последний год его правления в качестве диктатора. Марк Антоний, покорив Египет и покорившись Клеопатре, получил титул нового Диониса-Осириса, а Клеопатра была Афродитой-Исидой⁵⁷.

Август и его культ были хоть и чем-то новым, однако возникли не на пустом месте. Много было взято из прежней римской традиции, что-то — через контакт с культурой эллинизма или более примитивными культурами⁵⁸.

К концу римской республики поэтический эпитет «бог» по отношению к человеку стал очень популярным. Идея апофеоза Юлия Цезаря, несомненно, имела свои корни в этих влияниях⁵⁹.

⁵⁵ *Cuss D.F.C.J.* Imperial Cult and Honorary Terms in the New Testament... P. 30.

⁵⁶ *Wolff G.* Divinity and Power in Ancient Rome. P. 245–246.

⁵⁷ *Klauck H.-J.* The Religious Context... P. 395.

⁵⁸ *Ibidem.*

⁵⁹ *Ibidem.*

Римское государство как таковое существовало и при республике, и получало поклонение в персонифицированном виде («богиня Рома») от эллинов⁶⁰. Рим это унаследовал, покорив Восток Александра, и стал настоящим, по сути, преемником Александра⁶¹. Место монарха в римском обществе было «спрятано» в глубинах социума — в первой ячейке римской социальной структуры, римской фамилии, в лице ее главы — *pater familias*. Но лишь до поры до времени. Когда явился Юлий Цезарь, а потом и Август, доселе скрытые тенденции стали подниматься вверх, подобно глубинным водам, пробивающимся через слои почвы. И это придает божественному почитанию римского императора иной колорит, чем обожествлению правителя в других странах⁶².

Юлий Цезарь и император Август. Начало императорского культа

Юридическая база римского культа

Словосочетанию «культ императора» соответствует древнеримский официальный термин «*divini / summi / caelestes honores*», высшая форма почестей, которыми пользовались боги (но не только они одни). К ним относились обряды жертвоприношения, включавшие как кровавые, так и бескровные жертвы (вино и ладан), приносившиеся живому или покойному императору⁶³.

I. Gradel обращает внимание на существование двух видов культа, отраженных в римском законодательстве. Речь идет о культе государственном и частном. Для того, чтобы избежать путаницы, связанной с изменением значения слов в переводе на языки других культур, или паронимией, автор обращается к самим текстам римского права, цитируя первоисточник:

«Общественными являются обряды, которые совершаются за счет общности всеми людьми, а также те, которые совершаются на холмах, в деревнях, в куриях и святилищах, в отличие от частных обрядов, которые совершают-

⁶⁰ *Rōmē* — по странному стечению филологических обстоятельств, означает на греческом языке «сила», что не могло не влиять на восприятие покорителей-римлян греческим менталитетом. ῥόμη, дор. ῥόμαίη: 1) сила, крепость, мощь; 2) духовная мощь, мужество; 3) могущество; 4) вооруженные силы, войско.

⁶¹ *Ferguson E.* Backgrounds of Early Christianity. P. 17.

⁶² *Gradel I.* Emperor Worship... P. 49–50.

⁶³ *Ibidem.* P. 7.

ся за счет отдельных лиц, семейств и родов» (*Festus. De Verborum Significatu*)⁶⁴. Иными словами, общественные обряды Рима подразделялись на две группы:

1) За счет общности. В определении общественного культа слово «*populus*» обозначает целый город (или город-государство), со всеми его жителями. Обряд совершался за общественный счет, а руководство принадлежало городским магистратам, среди которых имелись и жрецы. В Риме это может быть названо «общественным культом», а вне Рима, в Италии — «муниципальным или гражданским культом»⁶⁵. Магистраты были местной высшей элитой: в Риме она была представлена сенаторами, в других городах — декурионами.

2) Другая группа включает очень малое количество архаических римских обрядов. В отличие от первой группы, они совершались не за счет всего городского населения, а только за счет отдельных частей населения⁶⁶.

Эти местные государственные культы нельзя смешивать с другими культурами в муниципальных единицах Рима, например, с компитальным культом. Каждый римский квартал, «*vicus*» (мн. ч. *vici*), совершал культ своих богов-покровителей, компитальных Ларов, *Lares compitales* (см. далее). Компитальный культ можно отнести к категории частных культов, которые совершали члены не одной семьи (фамилии), а группы людей, собранных по профессии или другому признаку. Такие группы назывались «коллегии» («*collegia*»)⁶⁷.

Государственный (общественный) культ существовал за счет населения всего народа римского, который в период ранней империи включал всех свобод-

⁶⁴ *Ibidem*. P. 9.

⁶⁵ *Ibidem*. P. 10.

⁶⁶ Они вошли в римский государственный культ вследствие синойки — при росте Рима и подчинении ему по мере этого роста соседних прилежащих областей. Так, празднество «на холмах» называлось *Septimontium* и праздновалось на изначальных семи холмах Рима (их не следует путать с другими семью холмами, значительно более широко известными, расположенным в центре самого города и занимавшим значительно меньшую площадь). Праздником деревень была *Paganaia*, тоже архаический праздник, также существовали менее понятные праздники курий. Маленькие святилища — *sacellum* или *compitum* — служили местом для проведения обряда *Argei*. *Argei* назывались соломенные куклы, хранившиеся в 27-и или 30-ти святилищах, разбросанных по древнему центру Рима. Ежегодно их собирали и сбрасывали в Тибр с Сублициева моста. Длительность существования этого культа говорит о поразительном консерватизме римской религии.

⁶⁷ *Gradel I. Emperor Worship...* P. 11.

ных жителей Аппенинского полуострова, то есть 11-ти областей без Сицилии и Сардинии, но включая Истрию (сейчас часть Хорватии).

Итак, государственными богами Рима были исключительно те боги, которым совершался общественный культ. Муниципальные или частные культы к ним не относились. Частные культы были личным делом частных лиц, их совершавших⁶⁸.

Ярким примером весьма почитаемого бога, никогда не имевшего, тем не менее, государственного культа, был Сильван⁶⁹. Его культ был одним из наиболее распространенных в Италии. Это был бог рабов, носящий черты Пана⁷⁰. Его благодарили за исцеление, удачу, освобождение от рабства, от него ждали награды в загробной жизни за честную трудовую жизнь, символизовавшуюся уровнем и угломером, также иногда фигурировавшими в дарах Сильвану⁷¹.

Таким образом, любой бог, включая живого императора, мог получать поклонение в частном или муниципальном культе, но не получать поклонение в культе государственном.

Жертвоприношение богам

Существовало два типа жертвоприношений⁷²: бескровное (вино, ладан, иногда пироги или буханки хлеба) и кровавое («immolatio», чаще всего быки, волы, коровы). В принципе, все, что производилось в натуральном хозяйстве, годилось для жертвоприношения. По сути, оба типа жертвоприношений были одинаковы, но кровавое было более дорогим, и как бы мы сказали, «престижным». Все жертвоприношения совершались на алтаре, который находился перед храмом, редко внутри его. Однако для жертвоприношений важно было именно наличие алтаря, а не храма. Алтарь мог быть и переносным. Наиболее частным обрядом было *supplicatio*, благодарение, или общая молитва к богам, с прошением отвлечь опасность или в знак благодарности за уже совершившуюся помощь. Жертвоприношение всегда включало «вводную» жертву вина и ладана.

⁶⁸Ibidem. P. 13.

⁶⁹Культура древнего Рима / Под ред. Голубцовой Е.С. В 2-х т. Т. 1. «Наука», 1985. С. 207–209.

⁷⁰Dorcey P.F. The Cult of Silvanus: a Study in Roman Folk Religion. Columbia University in the City of New York, 1992. P. 34.

⁷¹Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Т. 2. Гл. ред. С.А. Токарев. М.: «Советская энциклопедия», 1982. Т. II. С. 435.

⁷²Gradel I. Emperor Worship... P. 16–22

Дары богам всегда сжигались на алтаре — они были пищей, приносимой людьми богам.

Обычный порядок кровавого жертвоприношения был таков⁷³. После ритуального очищения («*lustratio*») участники жертвоприношения во главе со жрецом собирались у алтаря. Провозглашался призыв к молчанию, и церемония начиналась словами: «*Nos age!*» — «Сосредоточься на этом!» Далее жрец призывал бога специальной молитвой, которую сопровождала начальная жертва вина и ладана («*praefatio*»), помещаемые на алтарь с горящим огнем (на основной или дополнительный, переносной, стоящий рядом). Далее приводили жертвенное животное (или животных), опрыскивали его вином и посыпали жертвенной мукой, *mola salsa* (отсюда «*immolatio*»)⁷⁴. Мука заранее приготавливалась весталками. После этого читалась главная молитва, и жертву закалывали. Совершал это особый человек, *виктимарий*. Голову животного приклоняли к земле, затем оглушали ударом по лбу особым молотом и быстро вскрывали сонную артерию. После этого живот жертвы вскрывали, и внутренние органы (*extra*), в том числе сердце, легкие, печень проверяли на наличие дефектов. Если таковые были, то жертва была несовершенна, и ее следовало повторить, используя новое животное. Если дефектов не было, то внутренности вместе с кусками мяса, посыпав жертвенной мукой, помещали на алтарь, где они и сгорали дотла. Остатки мяса употреблялись в пищу участниками жертвоприношения. Они могли вариться в особом котле. Приносились в жертву и пироги, *liba*, но не ясно, на какой стадии жертвоприношения они сжигались.

Жертвы отбирались согласно строгому правилу, действующему для гражданских культов в Италии. Боги мужского пола получали жертв мужского пола (быка или вола — «*taurus*» или «*bos mas*», порой овна — «*aries*» (для Марса Мстителя) или кастрированного овна — «*vervex*»), а богини — женского (например, корову). Далее, боги мужского пола подразделялись на фертильных (небесных) и нефертильных, к которым относились подземные боги: *Dis Pater*, Плуто́н, *Di Manes* (духи). Нефертильные боги получали кастрированных жертв. Однако было одно выдающееся исключение из этого правила. Юпитер получал

⁷³ Далее описание по: *Elsner J. Cult and Sculpture; Sacrifice in the Ara Pacis Augustae // Journal of Roman Studies. 81. 1991. P. 50–61.*

⁷⁴ *Mola salsa* — крупно молотая ячменная мука с солью, употребляемая при жертвоприношении.

кастрированную жертву, не быка (taurus), а вола (bos mas). Причина этого неясна.

Возможно, это связано с историей узурпацией Юпитером власти и происхождением бога Дис Патер, ставшего подземным и инфертильным, история, подобная истории Кроноса и Зевса. Т.о. в жертву узурпатору «Зевсу» приносится осклопленный «Кронос»⁷⁵.

Необходимо отметить, что жертва покойным обожевленным императорам (Divi) также была волом или кастрированным овном⁷⁶.

Примечательно, что философы, отрицавшие самую возможность общения с богами, обычно не отказывались от участия в жертвоприношениях.

Для нас очень сложно понять систему ритуала, за которой не стоит «богословия». Языческое «богословие» было уделом философов и на культе не отражалось. Священных книг, подобно Торе, Древний Рим не знал⁷⁷. Мы не можем четко ответить на вопрос: где в ритуале происходило явление бога? Однако есть несколько версий ответа, основанных на современных исследованиях⁷⁸.

1) Бог пребывал в своем храме, откуда наблюдал за жертвоприношением.

2) Дым от жертв восходил к небесной сфере, или, попросту, к видимым небесам, в воздух, где и пребывало божество.

3) Наконец, бог мог присутствовать на алтаре, истребляя жертву — в таком случае он идентифицировался с жертвенным огнем⁷⁹.

«Небесные почести» были самыми высокими среди людей. Они отличались от других видов почестей не противопоставлением «земным», или, как бы мы сказали, секулярным. Они были частью системы «do ut des» — системы римского юридического менталитета, воздающего почести за заслуги и благодеяния богам и людям и ожидающего заслуг и благодеяний за возданные почести.

⁷⁵ «У Гесиода Кронос <...> осклопляет Отца. <...> Ланг полагал, что греческий миф можно интерпретировать в терминах мифологии маори. Но если у маори это просто миф о сотворении, в котором объясняется раздельность неба и земли, то для понимания греческого мифа необходимо, как показал Ж. Дюмезиль в книге «Ouranos-Vaivana», привлечь еще индоевропейское религиозное понятие Всевышнего». *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999. С. 230. Стр. 5.

⁷⁶ Gradel I. Emperor Worship... P. 22.

⁷⁷ Weinstock S. Divus Julius. P. 1. К так называемым Сивиллиным книгам обращались лишь в случаях бедствий.

⁷⁸ Gradel I. Emperor Worship... P. 24.

⁷⁹ Явный отголосок древней религии ариев.

«Небесные почести» были просто самыми высокими в шкале почестей, которые могли дать люди другим — богам или людям.

Если при совершении жертвоприношения демаркационная линия ясно отделяла богов, **которым** приносили жертву, от людей, **которые** приносили жертву, то при присуждении небесных почестей такой линии не существовало.

Культ императора как бога

Мир людей и мир богов всегда были противопоставлены. Феномен культа любого правителя привлекает всеобщее внимание потому, что он нарушает это противопоставление. Кем был император, которого почитали, как бога, в глазах его почитателей: богом или человеком? Или это был только знак почтения, как считали многие исследователи в XX в.⁸⁰

Как последователи монотеистической религии, мы представляем Бога радикально отличным от мира и от людей, непреодолимо превосходящим их. Это библейское понятие, нашедшее себе место в апофатическом богословии, однако существующее парадоксально наряду с догматом о Боговоплощении.

В античности божественность — понятие не абсолютное, а относительное. Между людьми и богами не лежит пропасти, как в монотеизме. Несколько утрируя, можно сказать, что античные боги — это некая высшая каста людей⁸¹.

Язычество — религия, в которой боги не просто многочисленны, а бесчисленны. Каждому из богов поклонялись не как Богу Израиля или христиан — именно потому, что Он — Бог, а для того, чтобы он помог, проявив свою божественную мощь. Для античного человека, пишет I. Gradel⁸², вопрос о том, считали ли императора **в самом деле богом**, или поклонялись ему, **как** богу, значения не имеет.

S.R.F. Price указывает, что классическая античность не имеет ни абсолютного определения бога, ни качеств, которым должно обладать существо, желающее им стать⁸³.

⁸⁰Nock A.D. Religious Developments from the Close of the Republic to the Death of Nero // The Cambridge Ancient History. 10. 1934. P. 481.

⁸¹Ferguson E. Backgrounds of Early Christianity. P. 155.

⁸²Gradel I. Emperor Worship... P. 28.

⁸³Price S.R.F. Gods and Emperors: the Greek Language of the Roman Imperial Cult // Journal of Hellenic Studies. 104. 1984. P. 79–95.

Жертвы Юпитеру приносились вовсе не по причине его божественности, а потому, что он был самым могущественным богом Рима. Его божественный статус был относителен, не абсолютен для групп лиц, приносящих ему жертвы.

Триумфатор был одновременно и царем, и Юпитером, или, скорее, был римским царем, действующим, как Юпитер⁸⁴. Речь шла не о его природе, а о его **власти**. Мы привыкли в рамках христианской культуры считать, что власть Бога проистекает из Его природы; здесь дело обстояло иначе. Язык одежды говорил именно о сверхчеловеческой власти⁸⁵. Божественная природа Юпитера роли никакой практически не играла. Поэтому языческий мир не знает миссионеров в нашем смысле слова — может быть, некоторое исключение представляют мистериальные культы.

«Божественные почести», присуждаемые по декрету Сената («*celestas honores*»), были высочайшей наградой, и не означали, что кто-то стал «богом» в монотеистическом смысле слова. Это был уникальный социальный статус⁸⁶.

Но размывания границы между богами и людьми в римской религии до конца не происходило. Ритуальная граница была очень четкой. Даже мясо, посвященное богу, не употреблялось в пищу участниками ритуала. В латинском языке слова «*homines*» (люди) и «*di*» (боги) были абсолютными антонимами. Но другое дело, что при определенных обстоятельствах **император или другой человек мог занять в ритуале то место, которое занимал бог**. Это вполне нормальное явление, если мы вспомним, что божественность для античного человека была не абсолютным, а относительным понятием⁸⁷.

«Для муравья мышь велика, а для коровы — мала, — оригинально поясняет свою мысль I. Gradel. — В политеизме соотношение «божественное - человеческое» определялось относительным размером власти, подобно тому, как это происходит в любой социальной структуре».⁸⁸

Однако можно возразить, что бессмертие было качеством, радикально отличавшего богов от людей — «смертных». Нет, были в Риме и смертные боги — гении человека. Со смертью человека умирал и его гений:

⁸⁴*Weinstock S. Divus Julius. P. 67.*

⁸⁵*Gradel I. Emperor Worship... P. 34–35.*

⁸⁶*Ibidem. P. 30.*

⁸⁷*Ibidem. P. 31.*

⁸⁸*Ibidem. P. 32.*

Знает то Гений, звезду направляющий нашу с рожденья:
Бог он природы людской, умирающий одновременно
С каждым из нас; он видом изменчив: то светлый, то мрачный⁸⁹.

— пишет Гораций (Послания. Кн. 2. 2. 185–187). Не будем упоминать здесь малоазийские и египетские культы умирающих богов.

Смерть, кроме того, была не биологическим фактом, а новым этапом жизни. Человек скидывал смертное тело⁹⁰ — оно было не более, чем препятствием для божественной жизни. Смерть увеличивала социальный статус любого умершего — для умерших императоров было вполне логично становиться богами⁹¹. Но императоров почитали как богов и при их жизни.

«Божественные почести» Юлию Цезарю

Юлий Цезарь стал первым человеком, официально провозглашенным Сенатом государственным богом Рима.

Юлий Цезарь не был царем или императором, но власть, сосредоточенная в его руках, была властью, соответствующей подобному титулу, и его враги, сторонники Республики, хорошо это понимали. На вершине своей власти он был одновременно диктатор, плебейский трибун (он присвоил полномочия, так как, будучи патрицием, не мог стать плебейским трибуном), верховный жрец (понтифик) и консул. К 47 г. до Р.Х. Юлий Цезарь, таким образом, сосредоточил в своих руках основную власть, которую народ мог воспринимать, как царскую. Он пышно выходил на люди и носил одеяние красного цвета — одежду царя и Юпитера Капитолийского⁹². При жизни Юлия Цезаря часто сравнивали с Юпитером⁹³. Он, однако, отказывался открыто признать себя царем. Когда его хотели венчать царской диадемой, он с притворным гневом отклонил ее и велел посвятить ее в храм Юпитеру Капитолийскому, а на приветствие просто-

⁸⁹Здесь и далее текст приводится по изданию: *Квинт Гораций Флакк* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Худож. литература, 1970.

⁹⁰Ромул, по древнему преданию, был вознесен в теле, но потом, с возобладанием платонических идей, этот взгляд изменился. Так, Плутарх, грек, но римский гражданин (римское имя Плутарха было Люций Местрий) считал, что мыслить о вознесении Ромула в теле недостойно.

⁹¹*Gradel I. Emperor Worship...* P. 32; P. 264.

⁹²*Постернак А.В.* История Древней Греции и Древнего Рима. М.: Изд-во ПСТБИ, 1999. С. 132.

⁹³*Weinstock S. Divus Julius.* P. 287.

людина, именующего его царем, отвечал: «Я Цезарь, а не царь!»⁹⁴ (Светоний. Божественный Юлий. 79. 2).

До Цезаря не было людей, обладавших такой властью, какой обладал он во время своего диктаторства, поэтому и не было соответствующего поклонения. Но это не значит, что такое понятие пришло из Греции, «развратившей» умы римлян.

После битвы при Тапсе (Thapsus) в 46 г. до Р.Х. Цезарю, как победителю, декретом Сената была воздвигнута статуя и колесница на Капитолии.

После битвы при Мунде в 45 г. до Р.Х. в храме Квирина (Ромула, основателя Рима) Цезарю была воздвигнута статуя с надписью: «Deo invicto» — «непобедимому богу», где он опирался на сферу, изображающую мир, как «παντοκράτωρ» в греческой терминологии.

На статуе (сложно сказать, на какой из двух) была надпись, которую в греческом переводе дает Кассий Дион — «ἡμίθεος», полубог⁹⁵. Не совсем ясно, как звучал латинский оригинал, и в литературе велось много дискуссий на этот счет, а некоторые исследователи сочли решение этого вопроса бесперспективным⁹⁶. D. Fishwick предложил оригинальное решение: с его точки зрения Юлий Цезарь был провозглашен единственным в своем роде полубогом — а именно, Ромулом⁹⁷. Возможно, Юлий стал так называемым «сохрамовым богом» («σύνναος θεός») по отношению к «хозяину» храма, Квирина⁹⁸ (таково было имя Ромула после обожествления).

I. Gradel исследует данный вопрос, ища ключ в соответствии греческих терминов, употребляемых Кассием Дионом, изначально латинским терминам. Сложность состоит в том, что слово «divus» изначально было полным синонимом слова «deus», но ко временам Кассия Диона слово «divus» уже было связано с культом покойного императора. Умерших великих людей, обожествленных после смерти, в Греции принято было называть «героями», «ἥρωες», а не «богами», как делали позже римляне по отношению к императорам. Поэтому Дион

⁹⁴Здесь и далее текст приводится по изданию: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1993.

⁹⁵Fishwick D. The Imperial Cult in the Latin West... P. 57–60.

⁹⁶Weinstock S. Divus Julius. P. 53.

⁹⁷Fishwick D. The Imperial Cult in the Latin West... P. 57–60.

⁹⁸Gradel I. Emperor Worship... P. 69.

постоянно пишет «ἥρως», если говорит о тех, кого римлянин назвал бы «divus». Только при упоминании **полного имени покойного императора** он делает исключение, и называет его «богом», например, он пишет «θεός⁹⁹ Αὐγούστος», переводя «Divus Augustus», божественный Август. «Divus («божественный») — посмертный титул, данный Сенатом Октавиану Августу. Но у Диона возникает сложность при переводе надписи на капитолийской статуе. Если там было написано Divus Julius, то при переводе термин «герой» был несообразен: Цезарь, определенно, был тогда **жив**. Дион выходит из положения, переведя надпись, как «полубог», «ἡμίθεος»¹⁰⁰.

В ходе начатой Юлием Цезарем календарной реформы пятый месяц (квинтилий) был назван «июлем» в его честь. Незадолго до своей смерти он получил титул «Юпитер Юлий» и статус божества — Divus Julius. Он получит декретом Сената государственного жреца своего культа (фламина), государственный храм, государственную колесницу — pulvinar — для размещения его изображения¹⁰¹. То есть Цезарь получил все, что имели главные боги Рима, почитание которых происходило в государственном культе.

За пределами Рима Юлия Цезаря тоже почитали как бога. Так, сохранилась надпись, сделанная в Эфесе, в 49 г. до Р.Х. (при жизни Юлия Цезаря), гласящая, что города Азии почитают Гая Юлия, сына Гая, Цезаря, великого понтифика и императора (τὸν ἀρχιερέα καὶ αὐτοκράτορα), дважды консула, потомка Ареса и Афродиты (то есть Марса и Венеры), как «явленного бога» (τῆς θεὸν ἐπιφανῆ) и «общего спасителя всех жизней человеческих» (κοινὸν τοῦ ἀνθρωπίνου βίου σωτήρα)¹⁰².

Почести Цезарю не различались в сознании его современников на «религиозные» и «секулярные», по причине отсутствия такого различия в античном мире. Политика и религия были неразделимы; собственно, вся жизнь античного человека была пронизана религией¹⁰³. Речь шла не о том, что Цезарь обладал

⁹⁹Е. Ferguson (*Ferguson E. Backgrounds...* P. 161) отмечает, что латинское слово «divus» переводится греческим словом θεοῖς, «божественный», но на востоке империи переводилось словом «бог», «θεός».

¹⁰⁰*Gradel I. Emperor Worship...* P. 63–64.

¹⁰¹*Weinstock S. Divus Julius.* P. 133.

¹⁰²*Klauck H.-J. The Religious Context of Early Christianity.* P. 290.

¹⁰³*Ibidem.* P. 61.

божественной природой, или был богом в абсолютном значении, как в монотеистических религиях. Речь шла о том, что власть его была бесспорной, подобно власти Юпитера. Он был богом в относительном смысле этого слова, но настоящим богом для римского менталитета¹⁰⁴.

После этого прижизненного провозглашения богом Юлий Цезарь был жестоко убит сторонниками республики.

После смерти Цезаря его жрецом (фламинем) стал его ближайший друг Марк Антоний (что высмеивает Цицерон в своей «Второй Филиппике»)¹⁰⁵. Однако в сложной политической ситуации культ Цезаря практически игнорировался. Только в конце 43 г. триумвиры возобновили культ.

Здесь опять следует остановиться на терминологии. В латинском языке произошли изменения, вызванные культом императора.

Варрон и Атей, ученые римские грамматиканы, считали, что *divi* — это более общая категория, чем *dii*. *Divi* всегда были богами, а *dii* таковыми стали после смерти, например, *dii manes*, души умерших. Эту задачу Варрон решал как раз в период правления Юлия; однако грамматик Сервий, через несколько столетий, был удивлен, как странно употребляли древние эти слова¹⁰⁶ — настолько к его времени *divus* был уже связан с умершим, обожествленным императором¹⁰⁷.

Итак, Юлий Цезарь был при жизни назван официально *Divus*, и это именование повлекло за собой смерть. Смерть была связана с провозглашением богами и двух других почитаемых римлянами людей: Ромула и Геракла.

Посмертное провозглашение Цезаря сенатом и народом римским «*Divus Julius*» совпало с появлением кометы во время празднований в честь нового бога, и Плиний в «Естественной истории»¹⁰⁸ считает это явным доказательством того, что душа Цезаря была принята в сонм бессмертных. Некоторые римляне протестовали против воздаяния божественных почестей Цезарю. Однако вы-

¹⁰⁴Ibidem. P. 72.

¹⁰⁵Klauck H.-J. The Religious Context... P. 291–292.

¹⁰⁶Gradel I. Emperor Worship... P. 64–66.

¹⁰⁷Вспомним злую шутку Каракаллы, убивающего своего брата Гету: «Пусть будет богом, лишь бы неживым!» («*Sit divus, dum non sit vivus*»); здесь *divus* — полный синоним мертвеца, так как Каракалла не собирался обожествлять Гету, и предал его память проклятию, приказав стереть его имя из всех надписей.

¹⁰⁸Plin. Hist. nat. II. 24.

шедшее официальное постановление сената придало всему делу законченную законную и официальную форму¹⁰⁹.

Культ Октавиана Августа

Император Октавиан Август после эпохи войн принес мир. Он был для покоренных им народов «σωτήρ», по-гречески — «спасителем» — так называли полководцев-миротворцев. Признание божественности императора, имеющее широкое подтверждение, как в поэтическом материале, так и в надписях, уже имело прецеденты, в том числе — в лице Юлия Цезаря, отца Августа¹¹⁰.

Однако Октавиан хорошо помнил, что после прижизненного провозглашения богом Юлий Цезарь был жестоко убит, что наложило суеверный отпечаток на последующее принятие государственного провозглашение императора «богом», хотя не распространялось на частный культ¹¹¹.

Имя «Август» (Augustus¹¹²) было даровано Октавиану Сенатом в 27 г. до Р.Х. Это слово было древним и имело глубокие римские корни. Древний римский поэт Энний писал, что Рим был основан «августейшими авгурами» (буквально: «augusto augurio»), эту фразу цитирует Светоний в повествовании об Августе (Светоний. Август. 7. 2)¹¹³ I. Gradel¹¹⁴ указывает на значение слова augustus в словаре Веррия Флакка («De verborum significatu») как на синоним слова «sanctus». Итак, «augustus» может быть несколько затемненным синонимом более прямого и ясного «divinus», «божественный».

У входа в дом Августа были посажены два лавра¹¹⁵ и повешен золотой дубовый венок — символ Юпитера. Сенат из-за суеверия избегал прямой ин-

¹⁰⁹ Ferguson E. Backgrounds of Early Christianity. P. 161.

¹¹⁰ Август был усыновленным, то есть юридически (по римскому праву) полноправным сыном Юлия Цезаря с 44 г. до Р.Х., а по крови — его внучатым племянником, сыном Гая Октавия и Аттии, дочери сестры Цезаря, но не относящимся к роду Юлиев. Усыновление дало ему возможность войти в этот, восходящий к богине Венере, род.

¹¹¹ Gradel I. Emperor Worship... P. 112; 160–161, 343.

¹¹² Греческий аналог — «σεβαστός».

¹¹³ Augusto augurio postquam incluta condita Roma est.

¹¹⁴ Gradel I. Emperor Worship... P. 113.

¹¹⁵ Klauck H.-J. The Religious Context... P. 299 ссылается на Alföldi (Alföldi A. Die zwei Lorbeerhdume des Augustus. Ant. 3. 14. Bonn, 1973) и считает, что это — знак почитания numen императора. О numen см. далее.

терпретации, но для поэта Овидия, который писал не официальные декреты, а стихи, она была очевидной:

По человеческим все ж именуется почестям люди,
Но по Юпитеру лишь Августа имя дано.
Все, что священно для нас, то у предков зовут «августейшим»,
Это же имя дано храмам священным у нас.
Этот же корень лежит и в названье «авгурия» также,
Да и во всем, для чего силу Юпитер дает.
Пусть же держава вождя усиливается нашего, годы
Длятся его и хранит дом ваш дубовый венок (Фасты. I. 607–612)¹¹⁶.

Далее, в Риме были учрежден особый праздник, в честь Фортуны (Удачи) Августа, к которому были добавлены игры (Augustalia)¹¹⁷.

Наконец, в его честь был назван шестой месяц года — август, подобно тому, как июль был назван в честь его приемного отца, Цезаря¹¹⁸.

Август и провинции

Август в декретах, адресованных к провинции, называл себя *divus filius* — «сын божий», то есть сын Цезаря, уже возведенного в ранг бога. В провинциях в его честь возводились храмы, алтари, имелось, соответственно, жречество. Он настаивал на том, чтобы поклонение ему сочеталось с поклонением богине Роме, поэтому храмы строились для *dea Roma et Augustus*, но в Риме он отказался от храма, и храм был возведен для богини Ромы и Божественного Юлия («*dea Roma et divus Julius*»). Вообще культ Августа был лишен однотипности, он варьировался в зависимости от традиций населения каждой из покоренных областей¹¹⁹.

С 12 г. до Р.Х. Август стал вводить культ правителя и богини Ромы в западных провинциях. В клятвы был включен, наравне с богами, гений (о гении см. ниже) принцепса (то есть Августа). Он завел институты севи́ров (*Sevires*)

¹¹⁶Здесь и далее текст приводится по изданию: *Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы.* М., 1973.

¹¹⁷Игра, по М. Элиаде, есть символ обновления (см. далее).

¹¹⁸*Gradel I. Emperor Worship...* P. 112.

¹¹⁹*Bleicken J. Augustus: Eine Biographie.* Berlin, 1998. P. 111.

и августалов (Augustales). Первые были нечто вроде магистратов, а вторые — аналогом сословия всадников в городах Италии¹²⁰, и не связаны напрямую с культом, как жрецы (хотя ими было сделано много посвящений Августу в виде памятных надписей и алтарей)¹²¹.

Оба новых института были связаны с играми в честь принцепса и общественными делами (примерно то, что греки называли «литургиями»), не обязательно связанными с храмами. Эти институты не были напрямую связаны с богослужением Августу, но были связаны с попыткой Августа дать возможность пути для карьеры провинциалов-вольноотпущенников¹²².

Август также оживил и религиозный фон Рима, преобразовав Компитальные Лары как Лары Августа, вместе с тем введя культ своего гения (см. далее).

Считалось, что религиозные эмоции жителей запада носили политический характер¹²³, в отличие от почитания Августа как божественного посланца небес, «сотера» на востоке империи, но это не совсем верно.

В исторической науке начала и середины XX в. существовали (и кочевали из учебника в учебник) следующие мнения: что поклонение было гению императора, а не ему самому; культ провинций отличался от культа в Риме, прежде всего, тем, что культа императора Августа в Риме при его жизни не существовало. Исследования последних десятилетий не позволяют утверждать это так однозначно¹²⁴.

Гений императора

Здесь необходимо остановиться на понятии гения и его культе.

Гением (лат. «genius») называлась жизненная сила человека (вернее, мужчины), пребывающая с ним (или в нем — неясно) до его смерти. Гений имел черты духа-хранителя человека. У женщин не было гения. Женская жизненная и продуктивная сила обозначалась Юноной.

¹²⁰Подобно тому, как декурионы были аналогом сенаторов (См.: *Gradel I. Emperor Worship...* P. 229–230).

¹²¹*Roemischer Kaiserkult / Ed. A. Wlosok. Darmstadt, 1978. P. 403–422.*

¹²²*Ferguson E. Backgrounds of Early Christianity. P. 162.*

¹²³*Klauck H.-J. The Religious Context... P. 235.*

¹²⁴*Wolf G. Divinity and Power in Ancient Rome. P. 243–259; Klauck H.-J. The Religious Context...; Gradel I. Emperor Worship...*

Поклонение гению хозяина, *pater familias*, через бескровную жертву (вино и ладан)¹²⁵ было поклонением его жизненной силе, в том числе и способности породить наследника, и тем самым сделать существование римской семьи, *familia*, в которую, помимо жены и детей хозяина, входили его рабы и вольноотпущенники, а также другие клиенты, непрерывной и стабильной. Жизнь клиентов и их благополучие были практически в полной зависимости от патрона, поэтому жертвы его гению, жизненной силе, совершались с искренним религиозным чувством. Глава семьи был гарантом их настоящего и будущего.

Помимо гения хозяина, люди, находящиеся под властью отца семьи, поклонялись Ларам.

Святилище, где происходило поклонение и гению хозяина, и Ларам (или одному Лару) называлось «ларариум», по имени этих двух богов, более важных, чем гений. Лары сначала расценивались, как предки главы семьи, сейчас многие ученые склонны считать их изначально божествами сельскохозяйственного культа¹²⁶. Потом они стали духами-хранителями дома, подобно аналогичным божествам аграрных культов (как шведский *tomtar*, датский *nisser*, славянский домовый). Их многочисленные функции точно определить и ограничить сложно. Они изображались, как танцующие юноши в коротких туниках.

На фреске одного из помпейских ларариумов (дом Веттия) изображен гений хозяина в виде юноши в тоге, край которой накинута на его голову — это поза совершающего жертвоприношение. Правой рукой он совершает возлияние самому себе, в левой держит рог («*cornucopia*»). По бокам от него двое танцующих юношей в коротких туниках — Лары. Внизу изображена змея — возможно, архаичные изображения гения. Бывает, что изображались две змеи — возможно, гений хозяина и Юнона хозяйки. Они могут вкушать жертву, принесенную им, например, яйца с жертвенника. Изображение было порой более подробным, на нем могли изображаться виктимарий, готовящийся принести жертву Ларам (например, свинью), флейтист, мальчик, несущий поднос с *molae salsae*¹²⁷.

¹²⁵Гению римского народа жертва была бык, а не ладан. Также и жертва гению императора — бык. Арвалы не приносили жертв гению Августа даже в день его рождения — день, когда приносились жертвы гению каждого римлянина. В этот день чествовали богов-покровителей Августа.

¹²⁶*Harmon D.P.* The Family Festivals of Rome // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 2/16/2. 1978. 1592.

¹²⁷*Gradel I.* Emperor Worship... P. 43.

Имелся также культ Пенатов¹²⁸.

В отличие от *Providentia*, *Salus*, *Virtus* и других добродетелей, которые почитались, как самостоятельные боги, гений всегда был привязан к кому-то (или к чему-то, например, месту). Существовали изображения гения римского народа — это был героического вида полуобнаженный юноша (античная греко-римская иконография героя), и гения Сената, в тоге и с бородой. Во время республики именно гению римского народа и приносились жертвы в государственном культе¹²⁹. Свидетельств о культе гения царей до нас не дошло.

Все эти боги имели «государственный эквивалент»¹³⁰.

Как видно, культ гению кого бы то ни было, как и культ Ларов, был встроены в систему отношений между патроном (хозяином, *pater familias*) и клиентом.

Называть кого-то патроном было не унизительно, как свидетельствуют надписи. Так поступали даже довольно обеспеченные люди, называя «патроном» более знатных своих покровителей в памятных надписях. Но назвать себя клиентом было унизительно, и надписи, сделанные свободными и состоятельными римлянами, такого не содержат. Цицерон объясняет нам причину этого:

«Те, кто почитает себя богатыми и баловнями фортуны, не хотят оставаться перед кем-то в долгу за благодеяние (*beneficio*), <...> более того, они горше смерти считают для себя быть под патронатом или быть названными клиентами»¹³¹. Таким образом, слово «клиент», как уже упоминалось выше, носило характер социальной стигмы.

В этом ключе следует рассматривать поклонение живому императору, как таковому, и его гению.

Сенаторы не могли поклониться гению императора, это было равнозначно тому, чтобы признать Августа «*pater familias*», что было бы крайне унизительно для них, и равнозначно тому, чтобы назвать себя «клиентами», подобно

¹²⁸ Еще сложнее определить роль Пенатов и сложно сказать, чем они принципиально отличались от Ларов. Элиаде считает и тех, и других обожествленными духами предков. См. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М. 2008. С. 134.

¹²⁹ *Gradel I. Emperor Worship...* P. 134.

¹³⁰ Все эти боги имели «государственный эквивалент» — гений римского народа и государственные Пенаты, так как Римское государство, по сути, было большим *domus*, большим «хозяйством». Богиней дома была Веста, и культовая роль Весты в государстве была одной из самых важных.

¹³¹ *Cic. Off. 2.20.69. At qui se honoratos, beatos putant, ii ne obligare quidem beneficio volunt, <...> patrociniū vero se usus aut clients appellari mortis instar putant.*

вольнотпущенникам¹³² — а это, по словам Цицерона, напомним, было для них «горьким, как смерть». Сенаторы официально именовали Августа «отцом отечества» — «pater patriae»¹³³. Когда Калигула и Домициан заставили сенаторов поклоняться своему гению, они были крайне оскорблены, (но из страха повиновались)¹³⁴. Эти эмоции нашли отражение в «Панегирике», похвальном слове, посвященному Плинием Младшим благородному Траяну, сменившему Домициана¹³⁵.

Собственно, называть кого-то своим «земным Юпитером» гораздо большая честь, чем поклоняться его смертному богу-хранителю — гению. Ничего унижительного в том, чтобы поклоняться богам, не было — это делалось издавна во всех городах Италии. Поклоняться богам — удел всех смертных. Сенаторы при этом сохраняли свою социальную высоту, они были первыми среди римлян.

В муниципальных культах городов Италии гению императора Августа также не служили¹³⁶.

Однако культ гения императора имелся. Гению императора поклонялись те, кто в римской familia поклонялся гению хозяина, а именно клиенты (рабы, вольнотпущенники и прочие). Все надписи, посвященные культу гения императора, сделаны либо его рабами, либо его вольнотпущенниками, либо другими клиентами.

Гений Августа никогда не получал поклонения в государственном культе. Это поклонение началось гораздо позднее, скорее всего, по инициативе Клавдия. Поклонение Гению претерпевало периоды подъема (при Марке и Северах) и спада (при Антонинах).

¹³²Цари покоренных Римом земель намеренно являлись в Рим в одежде клиента — вольнотпущенника (тоге и грубых башмаках) (*Светоний*. Август. 60: «по обычаю клиентов — toga clientium»). Полибий сохранил для нас рассказ о вифинском царе Пруссии, униженно просившем за себя перед Сенатом (*Полибий*. 30. 18). Такое унижение чужеземного царя до клиента вызывало презрение но, с другой стороны, нравилось властолюбивым римлянам. Так, в своих «Res gestae» («Деяниях») Август с гордостью перечисляет царей, находящихся под его властью.

¹³³Ср. застольные возгласы при описании пира Тримальхиона (*Петроний*. Сатирикон. 60. 7) «Августу, отцу отечества — слава!» «Augusto patri patriae feliciter». Здесь и далее текст приводится по изданию: *Петроний*. Сатирикон // Римская сатира. М.: Худож. литература, 1989.

¹³⁴Калигула казнил тех, кто никогда не клялся его гением — Gradel подчеркивает, что это была рабская клятва, и Калигула казнил тех, кто не унижал себя до этого (Р. 162).

¹³⁵*Gradel I. Emperor Worship...* P. 100.

¹³⁶*Ibidem*.

Это можно проследить по римским монетам разных периодов¹³⁷. На поздних монетах Нерона фигура, до этого символизировавшая гений римского народа «Genius populi Romani» (или «Genius Publicus») получает надпись «Гений Августа»¹³⁸ (то есть живого императора, Нерона). Это не традиционный гений отца семейства, в тоге, а полуобнаженный юноша героического типа¹³⁹. В государственном культе традиционные молитвы и жертвы за римский народ со времен Августа были заменены молитвами и жертвами за императора. Гений римского народа был уже не у дел, он стал культовым анахронизмом, и поэтому появление надписи рядом с фигурой, ранее изображавшей гения народа, Нерона весьма логично. Это означало, что замена гения народа на гений императора произошла везде. Гению Нерона служили активнее и чаще. Служение продолжалось по инерции при Гальбе, Отоне и Вителлии — краткосрочных преемниках Нерона.

При Тите на монетах снова появляется та же фигура полуобнаженного юноши, но надпись уже прежняя: гений римского народа. Гений императора совершенно исчезает из культа. Веспасиан снова вернулся к модели правления Октавиана: император снова стал первым среди равных.

Но при Домициане гений императора снова вышел на авансцену. Ему приносили жертвы в периоде всего его царствования¹⁴⁰. После Домициана наступила новая эпоха — эпоха благородного Траяна. Плиний Младший в своем Панегирике Траяну хвалит его скромность и говорит, что император не захотел жертвоприношений своему гению, а только жертв Юпитеру. Также не захотел он, чтобы его статуи стояли рядом со статуями богов — так поступал Домициан, его предшественник. (Панегирик. 52. 6). Плиний сравнивает «moderatio»

¹³⁷ Ibidem. P. 188–192.

¹³⁸ Слова «Август» и «император» к тому времени стали синонимами.

¹³⁹ Так называемая «нагота для агона», «агональная обнаженность» (agonal nudity). См: *Himmelmann N.* Ideale Nacktheit in der griechische Kunst, Walter de Gruyter, 1990; *Hallet C.* The Roman Nude: Heroic Portrait Statuary 200 B.C.–A.D. 300. Oxford University Press, 2011.

¹⁴⁰ *Klauck H.-J.* The Religious Context... P. 308. Домициан принял обращение «господь и бог», очевидно, придуманное кем-то из его окружения, и оно ему нравилось. Однако это обращение было **неофициальным**, оно отсутствует на монетах и в надписях.

Траяна и «*superbia*» Домициана¹⁴¹. Его мнение отражает взгляд сенатора высокого ранга на «идеального императора».

При императоре Коммодe снова появляется надпись «Гений Августа» на монетах с изображением гения римского народа.

Только в конце II в. по Р.Х. было конституционально установлено абсолютное главенство императора и установился культ его гения (переход от принципата к доминату как форме правления). Собственно, начало поклонения гению императора в государственном культе знаменует переход принципата в монархию. Глава римской семьи был монарх в своей семье, и его гению служили домочадцы. Когда все римляне начали служить гению одного человека, то он уже был над ними, как глава семьи над домочадцами-клиентами, но вовсе не «первый среди равных» как принцепс.

До этого император формально воспринимался как первый среди равных сенаторов, и они, по сути, уже клиенты императора на практике, не желали называться ими в теории, то есть на юридически закреплённом уровне¹⁴².

Христиан заставляли приносить жертву гению императора, как тест на их верность императору, а также для уточнения того, что они — **именно христиане**¹⁴³ (Плиний пишет в письме Траяну, что «истинных христиан нельзя принудить к этому») и для принятия последующего решения об их судьбе.

Компитальный культ в Риме

Сложным является вопрос о культе так называемых Компитальных Ларов (*Lares compitales*), введенном Августом в Риме. В нем, несомненно, служение осуществлялось гению императора, при этом Лары были названы «Августовыми» (*Lares Augusti*).

Викус существовал в Риме с незапамятных времен. В каждом викусе-квартале существовал культ особых Ларов — «Ларов дорожных перекрестков» или «компитальных Ларов». Их название происходит от названия культового центра квартала-викуса — «*compitum*». Жрецы этого культа были вольноотпу-

¹⁴¹ «*Moderatio*» — умеренность, скромность, как римская добродетель в противопоставлении «*superbia*», заносчивости.

¹⁴² *Gradel I. Emperor Worship...* P. 196–197.

¹⁴³ *Ibidem*. P. 163. Римское право было очень чутким к тому, чтобы именно виновный нес наказание, а невиновный был оправдан.

щенниками или даже рабами, но финансовое обеспечение было не из общественных, а из частных фондов. «Comritum» означает «перекресток», и первоначально эти Лары были хранителями границ поселений, в том числе, по большому счету, и границ государства. Государственные жрецы — свободные и высокопоставленные люди — не принимали никакого участия в этом культе. Это был культ, который совершала коллегия викуса¹⁴⁴.

Культом возглавляли магистры квартала, *magistri vici*, они же устраивали праздник Компиталии и Компиталийские игры. Во времена поздней республики культовые центры кварталов становились центрами народных волнений, которые приходилось подавлять и Сенату, и, впоследствии, Цезарю¹⁴⁵.

Для того чтобы усмирить и взять под контроль эти центры, Август переименовал «компитальных Ларов» в «Лары Августа», *Lares Augustales*, а с ними ввел почитание своего гения, *Genius Augusti*.

Компитальный культ¹⁴⁶ отправлялся магистром квартала (*magistrus vici*), ему сослужили четверо *ministri*, прислужников, которые были рабами. Во время служения магистр надевал тогу с пурпурной каймой¹⁴⁷ и имел право на ликтора. Но магистр и министры были вольноотпущенником и рабами соответственно, что делало их участие в культе гения совершенно естественным.

Культом с энтузиазмом был принят по всей Италии. В Помпеях, например, сохранилось много компитальных святилищ, преобразованных в святилища Ларов Августа¹⁴⁸.

Гению Августа в этом культе приносили кровавую жертву, быка, хотя в обычном культе главы римской семьи жертва была бескровная¹⁴⁹. Единообразие этой жертвы во всех культах говорит о том, что относительно ее имелось официальное распоряжение.

Был ли компитальный культ **государственным** по определению? I. Gradel показывает, что **он таковым не был**. Компитальный культ относился к культу,

¹⁴⁴Ibidem. P. 11.

¹⁴⁵Treggiani S. Roman Freedmen during the Late Republic. Oxford, 1969. P. 168–171.

¹⁴⁶О компитальном культе: Gradel I. Emperor Worship... P. 118–129.

¹⁴⁷Toga praetexta, одежда магистратов и свободных мальчиков до 16 лет.

¹⁴⁸Они, однако, находятся в Помпеях не на перекрестках, а вдоль дорог (Лары дорог — *Lares viales*).

¹⁴⁹Кровавые жертвы (напр. свинью) приносили в домашнем культе Ларам.

отправляемому группой частных лиц, или коллегией, и таким образом был *sacra privata* (частный культ), а не *sacra publica* (общественный культ)¹⁵⁰.

В день рождения Августа арвалами, древней коллегией «братьев Ромула», служившей богине Дии, которую возобновил или воссоздал Октавиан, совершались новогодние жертвы за императора и членов его семьи. Арвалы приносили в жертву в день его¹⁵¹ рождения (то есть праздник, когда именно почитался гений человека) жертву не гению Августа, а Марсу, Нептуну и Аполлону — триаде богов-покровителей императора, даровавшим Августу Октавиану победы на суше и море.

По мнению I. Gradel, убедительных данных о том, что гению Августа поклонялись в государственном культе, нет¹⁵².

Поклонение Августу и его преемникам в государственном и частном культе города Рима и Италии

В государственном культе Рима Август не был провозглашен богом¹⁵³. Его имя звучало только при жертвоприношении богам за его здоровье («*pro salute Augusti*») и богослужении «Августовым» божествам, таким, как *Rex Augusti* — «Священный Мир». После 27 г. до Р.Х. эпитет «*augustus*» (как и его формы «*augusta*», «*augusti*») уже предполагали связь с именем правящего императора¹⁵⁴.

Слова Светония (Август. 52)¹⁵⁵ и Диона (51. 20. 6) говорят не о том, что поклонения императору не было. Они говорят о том, что в Риме не было установлено **государственного культа живому императору**¹⁵⁶. Кроме того, и Светоний, и Дион имели «целевую аудиторию» и частных аспектов римской жизни не касались. Светоний, как биограф, занимался только общественной стороной

¹⁵⁰ Gradel I. Emperor Worship... P. 129.

¹⁵¹ День рождения Августа — 23 сентября.

¹⁵² Gradel I. Emperor Worship... P. 130.

¹⁵³ I. Gradel (P. 343) указывает опять на зловещую связь именованния *Divus* и скорой смертью того, кто это наименование получил.

¹⁵⁴ Gradel I. Emperor Worship... P. 138.

¹⁵⁵ «Храмов в свою честь он не позволял возводить ни в какой провинции иначе, как с двойным посвящением ему и Риму. В столице же он от этой почести отказывался наотрез».

¹⁵⁶ Gradel I. Emperor Worship... P. 111.

героев своего повествования. Дион писал для покоренных греков, провинциалов, свысока сообщая им основы римской истории¹⁵⁷.

Только Виктор Аврелий, интеллигент, автор IV в. по Р.Х., префект¹⁵⁸ Рима, образованный язычник, живший в эпоху торжествующего на государственном уровне христианства, в своем произведении «Цезари» — кратких биографиях римских императоров вплоть до 363 г., — дает подробное объяснение того, чему в прошлые века объяснения не требовалось:

«По причине своего милосердия он [Август] был назван отцом отечества, <...> поэтому ему еще при жизни и после смерти как божеству («vivo mortuoque») воздвигались храмы и создавались коллегии жрецов в Риме и во всех провинциях и многолюдных городах» (*Аврелий Виктор. О цезарях. I. 6*)¹⁵⁹.

За Октавиана Августа в италийских культах вне Рима приносился в жертву бык — жертва, которая никогда не приносилась гению человека, довольствовавшегося возлиянием вина и воскурением ладана. Это подтверждается множественством надписей, в том числе, сохранившихся в Помпеях. Слово «гений» при описаниях подобных жертв императору отсутствует. Характер жертвоприношения Августу соответствовал ритуалу жертвоприношения богу¹⁶⁰.

I. Gradel убедительно доказывает, что Августу, как и другим императорам, в Риме и Италии при их **жизни поклонялись, как богам**, но только в **частном**, а не в государственном культе.

Так, Гораций пишет в оде, адресованной Августу, где изображает тоску Италии о своем кесаре:

Он, с мольбою к тебе и с возлиянием
Обращаясь, твое чтит имя¹⁶¹ божие,
Приобщая его к Ларам, — так в Греции
Чтят Геракла и Кастора (Оды. 4. 5. 33–36).

¹⁵⁷ Подобно современным пособиям для готовящихся сдавать экзамен-собеседование для получения британского гражданства — о правлении монархов, войнах, но не о каких либо исторических нюансах истории Британских островов.

¹⁵⁸ Аналог современного мэра города.

¹⁵⁹ Цит. по: Римские историки IV в. М., 1997. С. 77.

¹⁶⁰ Gradel I. Emperor Worship... P. 97.

¹⁶¹ Numen.

Если бы культ был **государственный**, то мы вправе были бы ждать наличия мозаик и т.п., но он был частным, и касался именно императора **живого**. «Что касается поклонение императору в римском domus, то отсутствие свидетельств — не свидетельство отсутствия», — пишет I. Gradel, но приводит и свидетельства.¹⁶²

Письмо Фронтоня его царственному ученику Марку Аврелию косвенно подтверждает предположение о **повсеместности частного культа**:

«Ты знаешь, что во всех лавках менял, книжных лавках, и других местах <...> окнах, нишах, <...> где угодно и повсеместно выставлен твой образ, и большая часть этих изображений неискусна и сделана с очень простым, чтобы не сказать — достойным сожаления, мастерством»¹⁶³. Если бы это была лесть и преувеличение, то Марк Аврелий с легкостью бы понял это. Но, будучи в большом количестве и низкого качества, такие портреты, как и распространенные портреты диктаторов XX в., были невысокой цены и исчезли без следа.

Письмо Фронтоня, возможно, описывало ситуацию только в столице, но имеется и несколько миниатюрных бюстов периода ранней империи, найденных в Италии. Так, в саду одного из частных домов Помпей (Villa dei Misteri) была обнаружена закопанная статуя Ливии, а портрет одного из юных несостоявшихся наследников престола линии Юлиев (возможно, рано умершего Марцелла?) был спрятан в одной из задних комнат (в чулан), видимо, после того, как юноша умер. Бюст императора Гальбы был найден прямо на улице Геркуланума, откуда его несли, пока не уронили при охватившей всех панике от извержения Везувия в 79 г. по Р.Х. Кстати, это единственный из портретов императора. На виллах также находили маленькие бюсты, кроме того, некоторые люди желали класть бюсты императора в свою могилу (бюст Септимия Севера в Isola Sacra, древнем кладбище в Остии). Имеются найденные скульптурные изображения императора в полный рост в виллах на территории Италии¹⁶⁴.

Плиний Младший пишет, что у него имеется «коллекция портретов императоров, перешедшая к нему по наследству»¹⁶⁵.

¹⁶²Ibidem. P. 200.

¹⁶³Ibidem.

¹⁶⁴Ibidem. P. 202.

¹⁶⁵Ibidem.

Овидий, в своей ссылке в Томах, получил от своего патрона из Рима серебряные изображения Августа, Тиберия и Ливии. Через несколько лет, когда Август умер, а поэт все еще оставался в Томах, к его коллекции добавились бюсты двух сыновей Тиберия, Друза и Германика.

Овидий каждое утро приносил перед изображениями жертву в виде возжигания ладана и молился, обращаясь к ним:

И благочестье мое знает город, меня приютивший:
Видит, что в доме алтарь Цезарю я посвятил.
Рядом и сын стоит, и супруга, верховная жрица, —
Новому божеству равные два божества.
Чтобы единой семью сохранить, я поставил и внуков¹⁶⁶:
Рядом с отцом один, с бабкою рядом другой.
Им в рассветный час, только день на востоке забрезжит,
Я со словами мольбы ладан обильный курю.
Рвенью весь моему Понтийский берег свидетель:
Всех опроси — ничего здесь я не присочинил.
Знают на Понте и то: день рожденья нового бога
Щедро, насколько могу, праздную играми я.
(Письма с Понта. IV. IX. 105–117)
<...>

Все ж и до Цезаря слух дойдет: по широкому свету
Что бы ни делалось, все ведомо будет ему.
Ты же, к богам вознесшийся бог, ты знаешь и видишь,
Цезарь!¹⁶⁷ Отныне земля взорам открыта твоим.
Там, под сводом крутым, среди созвездий ты слышишь
Эти мольбы, что к тебе робко возносит поэт
(IV. IX. 125–130).

Причиной таких поступков Овидия, как известно, было страстное желание вернуться из ссылки домой. Однако некто, как и Овидий, из всаднического

¹⁶⁶Сын — Тиберий, супруга — Ливия, внуки — Германик и Друз.

¹⁶⁷Умерший и обожествленный Август.

сословия, не сосланный и не подвергавшийся опале, завещал ту же священную коллекцию, что и у Овидия, своим родным.

Тацит (Анналы. 4. 64) упоминает об изображении Тиберия в доме одного из сенаторов в Риме — в связи с тем, что портрет чудесным образом уцелел при страшном пожаре (на Целийском холме). Также Тацит упоминает о статуе Августа в частном саду, а из вердикта Тиберия (по делу об оскорблении императорского величия неким Фаланием, всадником среднего достатка на первом году правления Тиберия) следует, что такие статуи его предшественника были во всех домах (Тацит. Анналы. I. 73). Фаланий обвинялся в половых извращениях по отношению к почитателям Августа (которые существовали во всех римских хозяйствах как коллегии, еще в последние годы жизни Августа).

Для культа не обязательно нужны были культовые изображения, достаточно было только коллегии. Хотя изображения могли и быть — и они были. Статуя Августа в саду Фалания могла принадлежать коллегии почитателей и быть их культовым изображением.

Есть некоторые литературные свидетельства о размещении изображения императора или других «бенефакторов» — благодетелей (но никогда не изображений их гениев!) среди домашних богов в ларариуме. Присутствие гения, возможно, было уничижительным — как признание состояния клиента для человека достаточно высокого общественного положения.

Отец будущего императора Вителлия поклонялся золотым изображениям влиятельных вольноотпущенников Клавдия по имени Нарцисс и Паллас, а Марк Аврелий почитал своих учителей настолько, что разместил в ларариуме их золотые портреты (Светоний. Вит. 2. 5). Император Адриан имел статуэтку-бюст Августа-младенца и поклонялся ему, вместе с ларами, в своей спальне (Светоний. Авг. 7. 1).

Раболепное поклонение Вителлия приводится как пример поклонения, приличного рабам, но не свободным («*adulatio*»). То, что римский сенатор высокого ранга, трижды консул и цензор при Клавдии, поклонялся бывшим рабам и тем самым, социально ставил себя ниже их, было в глазах римлян, чудовищным самоуничижением, гротеском¹⁶⁸.

¹⁶⁸Gradel I. Emperor Worship... P. 205.

Проконсул Баэтики Граний Марцелл был обвинен в оскорблении величия (*maiestas*), так как заменил голову на статуе Августа на голову Тиберия — вскоре после восшествия Тиберия на престол (*Тацит. Анналы. 1. 74*).

На примере данных из Помпей мы можем судить о том, что портрет императора могли ставить в ларариуме, как Овидий (а это случай человека, доведенного до отчаяния), а могли и нет — единообразия не было¹⁶⁹.

Овидий в «Фастах» описывает церемонию почитания семейных богов на семейном празднике Каристии, 22 февраля. После приношения ларам поэт описывает возглас: «Радуйся, Кесарь, бог наш!» (*Фасты. 2. 633*)¹⁷⁰.

Как и того, кто богат стал незаконным путем.
Ладан курите семейным богам! Согласье ведь должно
В этот особенно день кротко и мирно хранить.
И учреждайте пиры вы в честь подпоясанных Ларов,
Ставьте тарелку для них — почести знак и любви.
А уж как влажная ночь к спокойному сну призовет вас,
Чашу наполнив вином, вы помолитесь тогда:
«Пьем за себя и тебя, отец отечества, Цезарь!»
И возливайте вино с этой молитвою все.

Возможно, это не была церемония, которую совершали все, а может быть, Гораций и Овидий прибегают к придворной лести.

Завесу над этой тайной слегка приподнимает Петроний в рассказе о пире Тримальхиона (*Сатириконе. 60*), где между переменной блюд вносятся особые пироги и гости восклицают: «*Augusto patri patriae feliciter!*» — «Доброй удачи Августу, отцу отечества!» После этого два раба приносят статуэтки ларов самого Тримальхиона, а третий обходит их кругом с чашей вина, возглашая: «Да будут милостивы боги!» («*Dii propitii!*»). В рассказе Петрония мы можем исключить желание польстить императору (ибо Нерон более нигде в *Сатириконе* не упоминается), а инстинктивная, общая реакция собравшихся весьма показательна и свидетельствует о том, что церемония уже давно прижилась. Возлияние Октавиану было введено декретом Сената в 30 г. до Р.Х. Без позитивного ответа

¹⁶⁹*Ibidem.* P. 206.

¹⁷⁰Отрывок в переводе Ф.А. Петровского.

снизу, со стороны масс, возлияние не получило бы повсеместное распространение и не вошло бы, как нечто само собой разумеющееся, в сатиры Петрония спустя сто лет¹⁷¹.

Культы живому императору во всех городах Италии¹⁷² были довольно схожи. Возможно, из Рима приходили определенные указания на этот счет. Но, скорее всего, император не очень занимался установлением своего муниципального культа, его отношение было, как правило, пассивное, и понималась, как разрешение. Все сводилось к информированию императора о том, что его культ установлен, или испрашивалось его разрешение¹⁷³.

Квинтилиан повествует в главе, посвященной шуткам и веселым историям, очень показательную историю об отношении Августа к своему культу. Из города Таррако к нему прибыла делегация от имени властей города и с благоговением сообщила, что на алтаре, посвященном ему, выросла пальма. «Что ж, — сказал Август, — это показывает, как часто вы возжигаете на нем огонь!» (имеется в виду огонь для жертвоприношений)¹⁷⁴.

Тацит (Анналы. I. 73) пишет о том, что служителей, поклонников в религиозном смысле этого слова — *cultores Augusti* («блустителей культа Августа») можно было найти «в каждом доме» (хозяйстве) то есть в *domus*. Культоры («блустители культа») — это группа лиц, которые почитали какого-нибудь бога, например, Сильвана. Культоры всегда были рабами или вольноотпущенниками, людьми небогатыми. Они могли воздвигнуть памятник или заказать надпись только на средства патрона¹⁷⁵. Эти группы всегда осуществляли культ живого императора. Члены ассоциации, отправляющие культ, словно бы становились членами императорской фамилии. Но культ отличался от культа главы семейства — культоры служили не гению императора, императору самому. Богослужение осуществлялось перед изображением императора, или перед изображением всей семьи (*domus augusta, domus divina*). Наличие изображений отличает

¹⁷¹ *Gradel I. Emperor Worship...* P. 232.

¹⁷² На провинциальном уровне Август разрешал свой культ с тем условием, чтобы он совершался в одном храме и совместно с богиней Ромой.

¹⁷³ *Gradel I. Emperor Worship...* 112.

¹⁷⁴ *Fishwick D. The Imperial Cult in the Latin West.* 1987. i. I. 171 ff.

¹⁷⁵ *Gradel I. Emperor Worship...* P. 213–217.

культоров императора от культоров старых богов. Боги были вездесущи, а император — не был. Поэтому его присутствие заменялось его изображением¹⁷⁶.

I. Gradel убедительно доказывает, что частные культы были очень распространены, как в римской семье, в поместье (*domus*), так и на улицах, форумах, в театрах и т.д. Порой императоры реагировали на эти феномены. Так, в свое царствование Тиберий запрещал устанавливать его статуи без его позволения и совершенно запретил ставить свой культовый образ среди культовых статуй богов, иными словами, запретил всякое формальное богослужение себе как божеству (*Светоний*. Тиберий. 26. 1)¹⁷⁷. Однако это произошло только после того, как он начал опасаться набирающего силу Сеяна. Историки, и в их числе Тацит, описывают воздвижение статуи Сеяна и поклонение им, как нечто из ряда вон выходящее, но задачей историка в античности не было описывать повседневную реальность. Нормальным было поклонение статуям императора, ненормальным — поклонение статуям Сеяна. Далее, Плиний порицает Домициана за то, что он был тираном и проливал кровь людей, санкционируя казни. Плиний не критикует саму практику жертвоприношений императору — согласно свидетельствам, такие жертвы приносились и при Траяне. То, что Плиний использует высокую риторику, не должно внушать нам мысль, что он лжет — его аудитория без труда бы это распознала¹⁷⁸.

Когда Тацит говорит, что после смерти Августа совершающие культ императора были в каждой римской семье, то это отражает положение вещей, при котором эти же люди совершали культ живого императора¹⁷⁹.

Любой поэт того времени мог сравнить Августа с богом, а еще лучше с Юпитером¹⁸⁰. Но даже не-поэты стремились почтить Августа в стихах. До нас дошло стихотворение одного центуриона в отставке, выбитое им в храме, посвященном еще живым внукам Августа, такое же искреннее, как и неуклюжее¹⁸¹.

¹⁷⁶Ibidem. P. 223.

¹⁷⁷Ibidem.

¹⁷⁸Ibidem. P. 227.

¹⁷⁹Ibidem. P. 112.

¹⁸⁰Подборку поэтических свидетельств см. в кн.: *Taylor L.R. The Divinity...* P. 1442 и далее.

¹⁸¹*Gradel I. Emperor Worship...* P. 268–269.

Героическая нагота или «костюм Юпитера» (тога) преобладают в скульптурных изображениях императоров¹⁸². Существовали и портретные изображения, которые не сохранились до наших дней.

Так, во II в. по Р.Х. Плиний Младший обращался к императору Нерве и позже к Траяну с просьбой о разрешении построить из своих средств храм в городе Тифернум. В нем он хотел, помимо всего прочего, разместить галерею портретов всех римских императоров. В просьбе содержалось и упоминание о том, чтобы живущие императоры (то есть сначала Нерва, далее Траян) позволили разместить там и свои портреты. Пока он не получил разрешения от Траяна, Плиний Младший храм строить не начал. Важно заметить, что галерея ритуальных портретов была унаследована им от предков, что свидетельствует о прижизненном культе императоров их современниками-предками Плиния Младшего. Собственно, отец Плиния начал строить подобный храм в своем родном городе Комум¹⁸³. Когда он умер, сын завершил его строительство и освятил его¹⁸⁴. Храм был посвящен «Aeternitati Romae et Augustorum» — Вечности Рима и Августов. Этот подход вполне отражал идеологию, которую Плиний Младший желал отразить в своем храме в Тифернуме, собрав там коллекцию прошлых Августов и Августа живого¹⁸⁵.

Личные обращения подданных к императору могли быть очень яркие: Плиний Младший, например, в переписке называет императора Траяна *Dominus*, господин («господь»). Римляне могли употреблять по отношению к императору высокие, даже божественные, наименованиями, совершать ему поклонение, как богу, но все это происходило в рамках частного культа¹⁸⁶.

Элий Аристид, оратор II в., пишет о римских магистратах:

«...при имени государя он встает, он благоговейно его славит и возносит одновременно две молитвы: одну к богам — о его благополучии, а другую к нему — о своем» (Похвала Риму. 36–40)¹⁸⁷.

¹⁸²Zanker P. Augustus und die Macht der Bilder. München, 1987. S. 96–103.

¹⁸³Комум — город в цизальпинской Галлии, важный римский форпост.

¹⁸⁴Alföldi G. Ein Tempel des Herrscherkultes in Comum // Athenaeum. 1983. № 61. P. 362–373.

¹⁸⁵Gradel I. Emperor Worship... P. 98.

¹⁸⁶Ibidem. P. 197.

¹⁸⁷Элий Аристид. Священные речи. Похвала Риму / Ред. Межеричкая С.И., Гаспаров М.Л. М., 2006. С. 137.

Особым понятием римской религии вообще и культа императора в частности является так называемый **numen**. Этим словом обозначалась божественная сила, присущая тому или иному традиционному богу: Юпитеру, Марсу и т.д.¹⁸⁸ Не существует единого мнения, что под этим подразумевалось, когда речь шла об императоре. Порой его считают синонимом слова «гений» или, что более убедительно, переводят как «божество», то есть синоним слова «бог» (ср. слова-синонимы «god» и «divinity» в английском языке)¹⁸⁹.

Август и Столетние игры. Золотой век

При Августе и по его почину были проведены так называемые Вековые или Столетние игры («Ludi Saeculares»). Игра, являясь символом обновления¹⁹⁰, имела очень важное значение в жизни римлян. Дело в том, что миф о создании Рима был связан с историей братоубийства. В основании Города лежала жертва, принесенная Ромулом — убитый им же брат его Рем. Священный ужас братоубийства камнем лег на судьбу Рима¹⁹¹.

Отношение римлян к конкретным событиям истории было истовым, почти религиозным¹⁹². Во время всех исторических кризисов римский народ был одержим «сумеречным мифом»: жизни Города пришел конец, он простоял ограниченное число лет, закончился так называемый Великий год, наступил предел всей мировой истории, в том числе и римской¹⁹³. Рим ожидал своей гибели — он был в этом повторяющемся ожидании своего конца.

Но в царствование Октавиана Августа, казалось, закончились смуты, предвещавшие близкий конец Рима и мира — мировой катастрофы удалось избежать. В 25 г. до Р.Х. был закрыт храм Януса — символ того, что закончились войны, а в 11 г. до Р.Х. был воздвигнут знаменитый Ara pacis — Алтарь мира¹⁹⁴.

¹⁸⁸М. Элиаде считает, что numen имеет значение «numen dei» — выраженная тем или иным божеством воля (*Элиаде М. История религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М. 2008. С. 129. Сн. 10*).

¹⁸⁹Gradel I. Emperor Worship... P. 247.

¹⁹⁰Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб., 1998. С. 206.

¹⁹¹Элиаде М. История веры и религиозных идей. С. 125.

¹⁹²Там же. С. 130.

¹⁹³Там же. С. 407. Сн. 1.

¹⁹⁴Ibidem. P. 299.

Август словно воссоздал Рим заново, установив ожидаемый «вечный мир» — «*rax aeterna*», связываемый с периодом благоденствия, Золотым веком. В этом выражалось стремление религиозного чувства римлянина освободиться от судьбы, закона космических циклов¹⁹⁵. Игры, происходившие с 31 мая по 3 июня 17 г. по Р.Х.¹⁹⁶, были подтверждением того, что Августом мир обновлен, что грядут иные времена, когда на землю вернуться добродетели, получившие титулы «августовых» — что означало и «священный» и «связанный с Августом». Император был залогом возвращения на землю Мира, Справедливости, Спасения, Чести и Добродетели.

Символом новых времен стал «Золотой век» — понятие, впервые употребленное греком Гесиодом в VIII–VII до Р.Х., но оживленное римлянином Овидием на рубеже эпох¹⁹⁷.

Овидий возвращается к образу сменяющих друг друга веков: золотой сменяется серебряным, серебряный — медным, медный — железным. Золотой век, по Овидию, отличается тем, что люди тогда сами собой, без какого-то внешнего принуждения и т.д., без закона, практиковали (именно не соблюдали, не хранили, а активно практиковали), как бы внедряя их в жизнь, **верность справедливости**, подобно тому как обрабатывает свое поле земледelec. Верность той справедливости, которая здесь в латинском тексте Овидия названа словом «*rectum*», по-гречески «*dike*».

О том, как наступит это *reversio*, или возвращение Золотого века, говорит еще один римский поэт времен Августа — Альбий Тибулл. Тибулл пишет: «Мир уступил и блещет с мотыгой плуг, а доспехи мрачные тихих бойцов в тёмном ржавеют углу»¹⁹⁸.

Но особенно ярко эти чувства отражены в знаменитой IV Эклоге поэта Вергилия, старшего современника Овидия. Поэт здесь выступает как религи-

¹⁹⁵Элиаде М. История веры и религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М., 2008. С. 409.

¹⁹⁶Ibidem. P. 298.

¹⁹⁷Klauck H.-J. The Religious Context... P. 299.

¹⁹⁸Цит. по: Чистяков Г., *свящ.* Fidem rectumque или «верность справедливости» // Сайт «Георгий Чистяков». URL: <http://tapirr.com/ekklesia/chistyakov/roma/14.htm> (дата обращения: 29.05.2012).

озный мыслитель — некоторые строфы этой эклоги поразительно напоминают пророчества Исаяи (Ис 1:6–8):

Сами домой понесут молоком отягченное вымя
Козы, и грозные львы стадам уже страшны не будут. [...]
Сгинет навеки змея, и трава с предательским ядом
Сгинет [...] ¹⁹⁹

Вергилий тоже верит в то, что был Золотой век или «Сатурново царство», но только, в отличие от большинства античных мыслителей, Вергилий считает, что Золотой век ещё вернется, причем очень скоро, на землю. Особые знаки Вергилий связывает с рождением некоего младенца. Приведем этот отрывок в переводе В. Соловьева:

Музы Сицилии! Песнь теперь мы начнем поважнее.
Радуют сердце не всем кустарник и низкие травы.
Петь нам леса, — пусть леса достойны консула будут.
Возраст последний уже настал по кумейским вешаньям.
Новых великих веков череда зарождается ныне.
Вот уж и Дева²⁰⁰ грядет, грядет и Сатурново царство.
Новое племя уже с небес посылается горних.
Ты же к младенцу тому, с кем железный век прекратится,
С кем для мира всего взойдут времена золотые,
Чистая, ласкова будь, Люцина: твой Феб уже правит.
Оного века краса при тебе, Поллион, зародится.
Консульство узрит твое начатки времен величайших,
И хоть еще при тебе следы греха рокового
Будут у нас, но вотще: мы вечного страха избудем.
Жизнь богов восприняв, он вместе с богами увидит
Всех героев земли, и сам будет зрим между ними.
Мир примерив, воцарит он отчую силу над миром.
Первым, младенец, тебе земля незатейливым даром
Стелет вьющийся плющ и с ним ползучие травы,

¹⁹⁹Цит. по: Там же.

²⁰⁰Дева — Астрея, богиня справедливости.

Дальше — блестящий аканф попеременно с розой индийской.
Козы домой понесут сосцы, растяженные млеком,
Сами; чудовищных львов стада бояться не будут.
Сами собою цветы дадут тебе мягкое ложе.
Сгинет и змей, а за ним и зелье лукавое сгинет,
И ассирийский амон рождаться станет повсюду.
Только что ты о делах отца и про славу героев
Станешь читать и начнешь постигать, в чем доблести сила, —
И понемногу поля зажелтеют колосом мягким,
И на диких лозах повиснут багряные грозды,
Твердый же дуб источать росу медвяную станет.
Но не совсем пропадут создания древней обиды.
Нужно будет еще Фетиду пытаться кораблями,
Грады стеной окружать, бороздами взрезывать землю.
Явится Тифис другой, и снова героев избранных
Но лишь мужем тебя окрепший соделает возраст,
С моря исчезнет пловец, и сосне корабельной товаров
Уж не менять: вся земля давать всем поровну будет;
Почвы не тронет кирка, и нож лозы не коснется.
Пахарь дородный тогда волов избавит от ига.
Больше не будут уж нас обманывать краской искусной
Ткани, но сами в лугах овны окрашивать будут
Пурпуром нежным руно иль ярким цветом шафрана.
Сам собою сандикс пасущихся агнцев оденет.
Вот какие века соткнут на своих веретенах
С волею вышних судеб неизменно согласные Парки.
К почестям ты приступи, — настало уж время, — к великим,
Отпрыск богов дорогой, великий Зевса питомец!
Узришь ныне сей мир, что движется тяжестью круглой
Земли, пучины морей и неба глубокого своды, —
Узришь, чтоб радостью все грядущий век повстречало.
О, если б мне сохранить остаток жизни и силы
Духа довольно, чтоб мог твои возместить я деянья!

В песнях тогда бы меня ни фракийцу Орфею, ни Лину
Не победить, хотя б им отец и мать помогали:
Каллиопея тому, а этому — Феб светозарный.
Пан пред Аркадией всей когда бы со мной состязался,
Пан пред Аркадией всей признал бы себя побежденным.
Ныне, младенец, начни улыбкой приветствовать матерь.
Десять уж месяцев ей, сменяясь, труда не меняли.
Ныне начни ты: кого не встречали родители лаской,
Тот ни трапезы богов, ни ложа богинь не достоин²⁰¹.

Исторически ожидаемым младенцем, вероятно, должен был бы стать рожденный в консульство Поллиона сын Марцелла и Юлии²⁰², однако этот образ преодолел обычные исторические рамки и будоражит мысль христиан уже два тысячелетия²⁰³.

На передний план, казалось бы выступают здесь зыбкие политические надежды, которые обречены были устареть и потерять свой смысл чрезвычайно скоро. «Самое поразительное, однако, что эклога не устарела и не потеряла смысла, потому что в ней выразилось нечто устойчивое и неразрушимое: само состояние душ, замерших в небывалом ожидании»²⁰⁴.

Однако со смертью Августа надежды на возвращение Золотого века умерли.

Посмертный культ Августа

Август как-то вскользь в письме заметил Тиберию: «Благодать моя приведет меня к небесной славе» (*Светоний*. 71. 3). Это было шуткой, но шуткой, сказанной неспроста²⁰⁵.

²⁰¹ Соловьев В.С. Поллион // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Ленинград: Советский писатель, 1974. С. 195–197.

²⁰² Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. СПб., 1995. С. 233.

²⁰³ Данте в своих странствиях встречает римлянина, который принял крещение, читая поэму Вергилия. «Ты дал мне петь, ты дал мне верить в Бога!» — говорит римлянин, поэт Стаций, реально живший в I в. В дословном переводе эти слова звучат так: «Через тебя я стал поэтом, через тебя — христианином!» (Чистилище. 22. 73). См.: Аверинцев С.С. Связь времен. Киев, 2005. С. 131. Ст. 2.

²⁰⁴ Аверинцев С.С. Связь времен. Киев, 2005. С. 130.

²⁰⁵ Gradel I. Emperor Worship... P. 97–98.

Август, не будучи государственным богом при жизни, после смерти получил то, что называлось на языке закона «небесные почести» — «caelestas honores». Это формальное постановление мог сделать только Римский сенат. Это случилось 17 сентября 14 г. по Р.Х., вскоре после смерти Августа²⁰⁶.

Тело Августа, умершего 19 августа 14 г. по Р.Х., вне Рима, в Ноле, было торжественно ввезено в Рим по Аппиевой дороге. В погребальной процессии несли изображения великих людей и богов Рима, в том числе — божественных предков Августа. Катафалк направлялся на Марсово поле, где происходила кремация и траурные церемонии. Тиберий зачитал вслух «Деяния» (Res gestiae) своего отца²⁰⁷ — это было своеобразной надгробной речью, написанной самим Августом²⁰⁸. В ней он перечислял свои заслуги и просил Сенат о «божественных почестях», которые Сенат признал позже, издав соответствующий декрет. Только теперь Август стал государственным богом Divus Augustus государственного культа и получил в Риме государственные храмы и жрецов (sodales), хотя до этого он широко почитался как бог в частном культе римлян и жителей Италии.

Об Августе начали слагаться легенды, подобно тому, как слагались они об Александре Великом. Ему приписывалось божественное сыновство: уже не от женского божества, Венеры, а от его бога-покровителя, Аполлона²⁰⁹, соединившегося в канун своего праздника с его матерью (*Светоний*. Август. 94. 4); во сне его мать, будучи беременной, видела себя вознесенной к звездам, а его отец видел луч света, исходящий от тела своей беременной супруги. Появились рассказы о его чудесном детстве, повествующие, например, как маленький Октавий с успехом запрещал квакать лягушкам в пруду его деда. У подростка мальчишка Октавия орел вырвал хлеб из рук, а потом, вознесшись, бросил этот хлеб ему (*Светоний*. Август. 94. 7).

²⁰⁶Ibidem. P. 270.

²⁰⁷Тиберий, сын Ливии, был усыновлен Августом, что дало ему право не только на императорскую власть, но и на именование «divi filius», «сын божий». Надпись на динарии кесаря (Мф 22, 15–22) гласила: Tiberius Caesar Divi Augusti Filius Augustus Pontifex Maximus (Тиберий Цезарь, сын божественного Августа, Август, верховный понтифик (верховный жрец) (*Кураев А., протод.* Дары и анафемы: что христианство принесло в мир. Размышления на пороге III тысячелетия. М., 2001. С. 10.

²⁰⁸Ibidem. P. 272.

²⁰⁹Август при жизни избрал своим богом-покровителем не Марса, бога войны, а приносящего порядок и устроителя дел человеческих, Аполлона.

Слагались легенды и о его последних днях. Так, накануне смерти Августа молния ударила в его статую, расплавив первую букву надписи «Caesar Imperator Augustus». «С» в латинском языке означало также и число «100». Это было воспринято, как божественный знак (молния не только поражала врагов Юпитера, но и возносила на небо), говорящий о том, что до того, как Август станет богом («aesar» по-этруски означало «бог»), остается 100 дней (*Светоний. Август. 97. 2*).

После похорон (кремации) Августа бывший претор, Нумерий Аттик, засвидетельствовал под клятвой, что он видел Августа, возносящегося на небо, подобно древнему Ромулу²¹⁰. Это же подтверждал обычай выпускать на похоронах орла²¹¹, взмывающего в небо — обычай, который употреблялся и для императоров, и для их жен, хотя символом женщины-богини был не орел, а павлин. Император не принадлежал более к миру смертных. При похоронах, возможно, использовалась и восковая фигура императора: воск расплавлялся, не оставляя после кремации обычного праха, что символизировало наступившую божественность²¹².

Римляне, тем не менее, не были наивны и хорошо различали человеческий прах человека-императора и новое божественное существо, которое восходило в небо с погребального костра. Так, надгробные камни умерших императоров и других обожествленных лиц их семей несут всю их титулатуру кроме слова «Divus»²¹³. Это говорит о глубоком религиозном чувстве: человек-император преобразуется после смерти и апофеоза — вознесения, он уже не тот, кого они знали прежде. Но при этом Август, встречающий незадачливого Клавдия на небесах у Сенеки в его сатирическом «Апоколокинтосе», узнаваем, но и единственный из небожителей, кто занят там своим делом, а не болтовней²¹⁴.

²¹⁰Ромул, ставший богом под именем Квирина, тоже имел своего свидетеля — сенатора Юлия Прокула, которому он явился.

²¹¹Данте изобразил душу Траяна, спасенного по молитвам св. Григория Великого, на шестом из семи небес Рая в виде орла (Рай. XX. 112).

²¹²*Gradel I. Emperor Worship...* P. 283.

²¹³*Ibidem.* P. 322.

²¹⁴Апофеоз божественного Клавдия / Под ред. Гаспарова М.Л. М., 1989.

Культ покойных императоров после Августа

Все императоры первого века поддерживали культ покойных императоров. Тиберий, Клавдий и Веспасиан в отношении к своему культу подражали Августу; Калигула, Нерон и Домициан активно инициировали собственные культы²¹⁵.

Династия Антонинов, в общем, принимала культ живого императора. Обожествление Фаустины Старшей и Фаустины Младшей, покойных и весьма добродетельных жен императора Антонина Пия и Марка Аврелия, носили глубоко личный характер и были вдохновлены религиозным чувством их близких, однако эти культы долго не продержались. На посмертных изображениях умершие императоры возносятся на небо, восседая на крылатом юноше — Эоне, а императриц возносит дева Этернитас, Вечность²¹⁶.

Культ покойных императоров в III в. был широко распространен в римской армии; одной из главных причин этого была необходимость заклятия животных для рациона легионеров, так как заклать животное без жертвенного посвящения было в эпоху античности невозможно²¹⁷.

Однако культ покойных императоров угасал: последняя надпись, сделанная коллегией арвалов, датирована 240 г. по Р.Х. Угасание культа²¹⁸ покойных императоров (*divi*) и его формализация в III в. стала знаком кризиса ритуала и римской религии. В этот период наметился переход к солярному единобожию, распространялась личная религия, в которой бог-покровитель общался с адептом в мистериях, во сне и наяву. Всплеск императорского культа при Диоклетиане, в котором он назывался сыном Юпитера (*Iovius*), а его соправитель-кесарь сыном Геракла (*Herculius*)²¹⁹, следует рассматривать как часть его общегосударственных реформ, в которых императорский культ, все более и более приближавшийся к его восточной модели²²⁰, был необходимой формальной частью

²¹⁵Никто из живых императоров не был провозглашен государственным богом, за исключением Юлия Цезаря. Исключения составляют безумные императоры Калигула и Домициан. «Настоящий император» никогда не становился государственным богом.

²¹⁶*Gradel I. Emperor Worship...* P. 4; 311.

²¹⁷*Ibidem.* P. 367.

²¹⁸*Ibidem.* P. 358.

²¹⁹*Зелинский Ф.Ф.* Римская империя. СПб., 2000. С. 386.

²²⁰Диоклетиан ввел падение ниц перед собой, подобно восточным владыкам (*Зелинский Ф.Ф.* История античной культуры. СПб. 1995. С. 343).

домината. За этим всплеском и последовавшими в конце правления Диоклетиана последними гонениями на христиан власть перешла к поклоннику солярного бога Митры, будущему первому императору-христианину Константину.

Заключение

Императорский культ был вместе с политикой и дипломатией одним из составляющих существования Римской империи²²¹. Обычно его рассматривают как «безжизненную», «принудительную» форму религии, особенно говоря о Риме и Италии, забывая о языке ритуала, которым говорило богословие античной религии и в частности, религии римской. Этот язык способен выразить то, что гораздо сложнее выразить словами²²². Вспомним аналогичную ситуацию уже в христианской античной среде, когда в эпоху арианских споров Церковь почти целый век искала слова для адекватного выражения своего Евхаристического опыта, насчитывавшего более трех веков.

Но, как мы уже видели, искренность поклонения **живому** императору как богу была составной частью мировоззрения среднего римлянина, как знатного, так и бедного, даже вольноотпущенника и раба. Всплеск живого религиозного чувства охватывает на рубеже эр Рим, и центр этого чувства — живой бог, император, принесший мир, благой и справедливый победитель. Казалось, весь мир обновляется, и Вековые игры становятся словно преддверием «Сатурнова царства», в котором будет править справедливость. Грех Ромула, лежащий в основании Рима, нуждался в очищении, и желание очищения было религиозным двигателем римского религиозного чувства на рубеже эр.

«Быть богом означает, что один смертный помогает другому смертному, и это есть путь к вечной славе. Этим путем шли наиболее благородные из римлян, и теперь этим путем пошел Август, <...> придя на помощь ослабевшему миру. Старый обычай, по которому следует бларить таковых достойных мужей за подобные дела, говорит, что имена их должны почитаться вместе с именами богов. Ибо имена богов, как и имена созвездий, произошли от достойных дел людей», — писал знатный и высокообразованный римлянин, Плиний Старший²²³.

²²¹ Price S.R.F. Rituals and Power... P. 248.

²²² Gradel I. Emperor Worship... P. 365–366.

²²³ Цит. по: Klauck H.-J. The Religious Context... P. 309.

Побеждающий, спасающий и милующий император, принесший мир на землю и мудро правящий римскими землями был богом в действии, как был богом Юпитер Освободитель или Марс Мститель, открывающиеся в своих соответствующих деяниях. Для римлянина в каждое дело — от труда землепашца до служения императора — были вплетены действия той или иной божественной силы. Божественность правителя Рима также открывалась для его сограждан в его делах. Неслучайно надгробное слово, написанное Августом самому себе, носило название «Деяний» — доказательством для римского народа и Сената того, что Август имеет право по своим делам получить посмертный божественный культ, были именно его дела, а не чудотворения, ратный труд полководца и непростой труд главы государства, а не происхождение от Венеры. Наоборот, недостойные дела приводили к тому, что император декретом Сената лишался обожествления, а его память предавалась забвению (*damnatio memoriae*).

Религиозное восприятие фигуры правителя-императора римлянами (как в самом Риме, так и в Италии) разнилось от эллинистического. Это отличие было обусловлено иным, чем у греков, религиозным мироощущением римлян: в божестве они видели не столько абстракцию, сколько действие. Религиозный, нематериально ориентированный, но сильный и живой ум римлян питал интерес к конкретному событию²²⁴.

Поклоняющийся императору поклонялся не господину, «*dominus*», главе семьи, «*pater familias*», или патрону, но поклонялся живому божеству. И это возводило поклоняющегося на совершенно другой уровень — он не был клиентом, он был «участником жертвенника» живого бога — императора. Отсюда этот религиозный энтузиазм римлян, который нельзя свести просто к лести и человекоугодничеству. Поклоняющиеся богу-императору, а не его гению, не желали быть клиентами у патрона, они хотели быть свободными римлянами перед своим живым богом.

Не случайно знаток античности, Ф.Ф. Зелинский, видя в античной религии «ветхий завет»²²⁵ европейского христианства, называет Августа таким вы-

²²⁴Элиаде М. История веры и религиозных идей. С. 130.

²²⁵Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизма. Томск, 1998. С. 3.

соким именем как «римский Мессия»²²⁶. Вернее было бы назвать его, быть может, «римским Давидом» — царем-прообразом истинного Мессии.

Без всякого сомнения, религиозное поклонение императору и его семье дало новую жизнь и открыло новые горизонты перед традиционным государственным культом²²⁷.

Однако надежды на возвращение Золотого века оказались перед лицом жестокой реальности. Мир не изменился, и правящие императоры Нерон, Калигула, Домициан, Каракалла раз за разом разбивали надежды тех, кто хотел видеть в императоре живого бога. Но надежда эта не угасала, ибо мечта о том, чтобы возлежать на совместной трапезе с живым богом, видеть на улицах Вечного города Рима живого бога, знать, что народом римским правит благой бог, видимый всеми победитель зла, уже была неуничтожима и не могла быть стертой из памяти римлян, в истории которых были Юлий и Август.

Надежда на «благого младенца» разбилась уже при воцарении Калигулы, которого встречали радостными возгласами.

«...Народ по пути встречал его густыми ликующими толпами, с алтарями, с жертвами, с зажженными факелами, напутствуя его добрыми пожеланиями, называя и «светиком», и «голубчиком», и «куколкой», и «дитяtkом». А когда он вступил в Рим, ему тотчас была поручена высшая и полная власть по единогласному приговору сената и ворвавшейся в курию толпы, вопреки завещанию Тиберия, который назначил ему сонаследником своего несовершеннолетнего внука. Ликование в народе было такое, что за ближайших три неполных месяца было, говорят, зарезано больше, чем сто шестьдесят тысяч жертвенных животных. Когда через несколько дней он отправился на Кампанские острова, все приносили обеты за его возвращение, не упуская самого малого случая выразить тревогу и заботу о его благополучии. Когда он, было, захворал, люди ночами напролет толпились вокруг Палатина; были и такие, которые давали письменные клятвы биться насмерть ради выздоровления больного или отдать за него свою жизнь» (*Светоний*. Калигула, 13).

²²⁶ *Зелинский Ф.Ф.* Римская империя. СПб., 2000. С. 103.

²²⁷ *Bailey C.* Phases in the Religion of Ancient Rome. California, 1932. P. 176.

Вскоре после этого воцарения «светика» и «куколки» последовала страшная фантазмагорическая эпоха правления безумного чудовища-императора²²⁸.

Последующие правления достойных и недостойных императоров, и, наконец, смена «века Антонинова» нестабильностью третьего века привели к тому, что тоска о живом боге, справедливом земном правителе и победителе, ушла в дальние глубины памяти римлянина. Он стал искать бога в мистериях, в солярном культе, в неоплатонической философии, а императорский культ, некогда религиозно полноценный и глубокий, выхолостился и стал частью пустого официоза времен Диоклетиана.

Но налицо была мощная религиозная жажда, и римляне находили различные источники ее утоления. Достойны напоминания примеры таких великодушников из римской элиты, как Георгий, Димитрий, Пантолеон и других, которые были ведомы высоким религиозным импульсом и порой даже не успевали принять крещения из-за быстроты своего решения избрать своим Царем Христа, живого человека и Бога. «Великая тоска»²²⁹ по несбывшемуся земному царству с благим живым богом привела многих римлян к принятию Христа как истинного Царя, Победителя, Сына Божия и Господа. Символично, что терминология, которую использовали в императорском культе, появляется уже в раннехристианских произведениях, входящих в Новый Завет, хотя сам Иисус Христос предпочитал называть Себя «Сыном Человеческим», обращая мысль своих слушателей к пророчествам Даниила. Сам тот факт, что римская религиозная терминология могла быть использована в русле христианства говорит о том, что она несла более глубокий смысл и более сильные надежды, чем кажется.

Если предсмертный возглас умирающего стоя, как подобает римлянину и императору, Веспасиана, полон горечи²³⁰, то умирающий последний раб-христианин радовался, ибо был возлюбленным чадом Сына Божия и Господа, который «жив во веки веков». Монотеизм вознес понятие о Сыне Божиим Иисусом

²²⁸ *Klauck H.-J.* The Religious Context... P. 303.

²²⁹ *Флоровский Г., прот.* Восточные отцы Церкви. М. 2003. С. 39.

²³⁰ «*Vae, puto deus fio!*» — «Увы, кажется, я становлюсь богом!» (*Светоний.* Веспасиан. 23. 4). В литературе до сих пор нет единого мнения, что имел в виду умирающий, но, несомненно, он не высмеивал посмертный апофеоз как наивный ритуал. (*Klauck H.-J.* The Religious Context... P. 309).

се на огромную высоту, и никакой император на нее не мог и посягнуть, ибо император был даже после смерти, самым низшим из богов²³¹.

Христиане не столько полемизировали с культом императора, называя Иисуса «Сыном Божиим» и «Господом», сколько свидетельствовали о своем опыте. Они опытно знали, что долгожданное Царство, принадлежащее живому Триумфатору, Человеку и Богу, уже здесь.

Это сакральное ощущение исполнения чаяний римского религиозного чувства дожило до времен византийского средневековья, когда гениальная поэтесса инокиня Кассия в IX в. писала свою знаменитую Рождественскую стихирю, ставя в параллель с положительным смыслом, без противопоставления, Августа и Христа.

Когда Август на земле воцарился,
истребляется народов многовластие;
Когда Бог от Пречистой воплотился,
упраздняется кумиров многобожие.
Единому царству дольнему страны служат;
В Единого Бога Горнего люди верят.
Исчисляются народы волею Кесаря;
Знаменуются святые именем Господа —
Тебя, вочеловечившегося Бога нашего.
Велика Твоя милость, Господи, слава Тебе²³².

Римский император как религиозная фигура остался в прошлом, как дальний прообраз, неясная, а порой и искажающая очертания реальности тень. Четвертая эклога величайшего римского поэта и провидца Вергилия²³³, не будучи однозначным пророчеством о Христе, как пророчества Ветхого Завета, тем не

²³¹ Gradel I. Emperor Worship... P. 272–273; они были даже ниже, чем гений живого императора (р. 335).

²³² Рождественская Вечерня. Стихира на Господи воззвах. «Византийская поэтесса IX в. Кассия подчеркивает смысловую сопряженность двух планов средствами синтаксического и метрического параллелизма» (Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 62–63).

²³³ Вергилий изображен среди древних праведников на одной из стен Благовещенского собора в Кремле.

мене, отражает в своей глубинной теме ожидание полноты времен. «И это ожидание, достигшее пика во времена Августа, оказалось оправданным»²³⁴, — писал С.С. Аверинцев. Тот, кого ждали, пришел в царство Августа — Младенец родился, но родился незаметно и вдали от Вековых игр.

Подчеркнем, что в IV эклоге речь идет не о наступлении чего-то нового, но о возвращении старого, о возвращении того прекрасного и незамутненного грехом и пороком прошлого, с чего начиналась некогда человеческая история. Люди надеялись на восстановление древней справедливости и того особого и безгрешного миропорядка, память о котором сохранялась в глубинах их душ.

Однако всё произошло по-другому. «Осуществляется не восстановление старого, но в жизнь входит новое, в мир приходит Христос»²³⁵.

Христос творит дела не противоположные делам Августа, но более великие дела. Он Миротворец более Августа, он Царь более императора. Он обновил весь мир — не только *Rex Romana*, но и те земли, куда не ступала нога римского легионера. И это обновление не нуждалось более в повторениях, «ибо Он одним приношением сделал навсегда совершенными освящаемых» (Евр 10:14, пер. еп. Кассиана).

При всей долгожданности этого Царства его инаковость была сходна с инаковостью царства Мессии в представлениях межзаветного иудейства. Чаяния были исполнены, но, так же как и в случае с пророчеством Исаяи (7:14), долгожданный младенец не принадлежал к царственной семье очередной правящей династии²³⁶.

Эта инаковость вызывала непонимания, подозрения, и, наконец, гонения. Прошло три века мученических свидетельств во время гонений, и выступлений апологетов в краткие и долгие промежутки затишья, прежде чем римский император Константин Великий, которому при жизни также посвящали храмы²³⁷, со-

²³⁴ Аверинцев С.С. Связь времен. Киев, 2005. С. 131.

²³⁵ Чистяков Г., *свящ.* *Fidem rectumque...* Там же.

²³⁶ Ближайший исторический смысл пророчества Исаяи (Ис 7:14) — надежда увидеть в Езекии, сыне царя Ахаза, Помазанника, через которого Израиль станет народом Божиим (Сорокин А., *прот.* Введение в Священное Писание Ветхого Завета. СПб., 2002. С.168).

²³⁷ В последние годы своего царствования Константин позволил жителям Умбрии возвести в честь него и его династии храм, с празднествами и театральными представлениями, прибавив: «Ежели он не будет осквернен ложью и заразными сувериями» (Markus R.A. *The End of Ancient Christianity.* Cambridge University Press, 1990. P. 32).

единит Римскую империю с именем Царя Христа, Сына Божия, Господа и Бога Живого. А уже на Первом Вселенском Соборе император Константин цитировал четвертую эклогу поэта Вергилия²³⁸, несущую вдохновение августовского времени, времени, когда старая эра незаметно сменилась новой.

Источники

1. Pliny the Elder. *The Natural History* / Eds. J. Bostock, H.T. Riley. L., 1855–1857.
2. Апофеоз божественного Клавдия. М., 1989.
3. *Гай Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1993.
4. *Квинт Гораций Флакк*. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Худож. литература, 1970.
5. *Корнелий Тацит*. *Анналы* // *Корнелий Тацит*. Соч. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Наука, 1993.
6. *Петроний*. Сатирикон // Римская сатира. М.: Худож. литература, 1989.
7. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В 2-х т. Т. 1. М., 1994.
8. *Полибий*. Всеобщая история. СПб., 1994.
9. *Публий Вергилий Марон*. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худож. литература, 1971.
10. *Публий Овидий Назон*. Элегии и малые поэмы. М., 1973.
11. *Соловьев В.С.* Поллион // *Соловьев В.С.* Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974.
12. *Тит Макций Плавт*. Собр. соч. В 3-х т. Т. 2. М., 1997.
13. Хрестоматия по античной литературе. В 2-х т. М., 1965.
14. *Цицерон Марк Тулиус*. Письма: В 3 тт. / Пер. и комм. В.О. Горенштейна. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949–1951.
15. *Элий Аристид*. Священные речи. Похвала Риму. М., 2006.

²³⁸Аверинцев С.С. Связь времен. Киев, 2005. С. 130.

Литература

На русском языке

1. *Аверинцев С.С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976.
2. *Аверинцев С.С.* Связь времен. Киев, 2005.
3. *Дройзен И.* История эллинизма. Т.1. Ростов-на-Дону, 1985.
4. *Зелинский Ф.Ф.* Из жизни идей. СПб., 1995.
5. *Зелинский Ф.Ф.* История античной культуры. СПб., 1995.
6. *Зелинский Ф.Ф.* Религия эллинизма. Томск, 1998.
7. *Зелинский Ф.Ф.* Римская империя. СПб., 2000.
8. История древнего мира. Упадок древних обществ / Под ред. Дьяконова И.М., Нероновой В.Д., Свенцицкой И.С. М., 1989.
9. Культура древнего Рима. В 2-х т. / Под ред. Голубцовой Е.С. М., 1995.
10. *Кураев А., протод.* Дары и анафемы: что христианство принесло в мир. Размышления на пороге III тысячелетия. М., 2001.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: «Советская энциклопедия», 1982.
12. *Постернак А.В.* История Древней Греции и Древнего Рима. М.: Изд-во ПСТБИ, 1999.
13. *Сорокин А., прот.* Введение в Священное Писание Ветхого Завета. СПб., 2002.
14. *Успенский Н.* Анафора // Богословские труды. М., 1975. С. 73–80.
15. *Флоровский Г., прот.* Восточные отцы Церкви. М. 2003.
16. *Чистяков Г., свящ.* Fidem rectumque или «верность справедливости» // Сайт «Георгий Чистяков». URL: <http://tapirr.com/ekklelesia/chistyakov/roma/14.htm> (дата обращения: 29.05.2012).

17. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М. 2008.
18. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий. М., 2008.
19. *Элиаде М.* Мефистофель и андрогин. СПб., 1998.
20. *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
21. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.

На иностранных языках

1. *Alföldi A.* Die zwei Lorbeerhdume des Augustus. Ant. 3.14. Bonn, 1973.
2. *Alföldy G.* Ein Tempel des Herrscherkultes in Comum // *Athenaeum*. № 61. 1983. P. 362–373.
3. *Bailey C.* Phases in the Religion of Ancient Rome. California, 1932.
4. *Bleicken J.* Augustus: Eine Biographie. Berlin, 1998.
5. *Brown B.A.* Noah's Other Son: Bridging the Gap between the Bible and the Qur'an. N. Y. – L., 2007.
6. *Charlesworth M.P.* Some Observations on the Ruler Cult, Especially in Rome // *Harvard Theological Review*. 1935. XXXVIII. 1. P. 5–44.
7. *Cuss D.F.C.J.* Imperial Cult and Honorary Terms in the New Testament. University Press Fribourg, 1974.
8. *Dorcey P.F.* The Cult of Silvanus: a Study in Roman Folk Religion. New York, 1992.
9. *Elsner J.* Cult and Sculpture; Sacrifice in the Ara Pacis Augustae // *Journal of Roman Studies*. 1991. 81. P. 50–61.
10. *Fears J.R.* Princeps a diis electus: The Divine Election of the Emperor as a Political Concept at Rome / *American Academy in Rome Papers and Monographs*. 26. Rome: American Academy.
11. *Ferguson E.* Backgrounds of Early Christianity. Michigan, 1987.
12. *Festugière A.J.* Le monde gréco-romain au temps de notre Seigneur. Paris, 1935.

13. *Fishwick D.* The Development of Provincial Ruler Worship in the Western Roman Empire // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. II. Principat.* 16. 2. Berlin; New York, 1978. P. 1201–1253.
14. *Fishwick D.* The Imperial Cult in the Latin West: Studies in the Ruler Cult of the Western Provinces of the Roman Empire, Part 2.1. Brill Academic Publishers, 1987.
15. *Gradel I.* Emperor Worship and Roman Religion. Oxford – New York: Oxford University Press, 2002.
16. *Hallet C.* The Roman Nude: Heroic Portrait Statuary 200 B.C. – A.D. 300. Oxford University Press, 2011.
17. *Hanson J.A.* Plautus as a Source Book for Roman Religion // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association.* 1959. № 90. 69. P. 48–101.
18. *Harmon D.P.* The Family Festivals of Rome // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt.* 1978. 2/16/2.
19. *Himmelmann N.* Ideale Nacktheit in der griechische Kunst, Walter de Gruyter, 1990.
20. *Klauck H.-J.* The Religious Context of Early Christianity: A Guide to Graeco-Roman Religions. Edinburgh, 2000.
21. *Kuhrt A.* Usurpation, Conquest and Ceremonial: From Babylon to Persia // *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies / Ed. by Cannadine D. and Price S.R.F., Past and Present Publications.* Cambridge, Cambridge University Press, 1987.
22. *Markus R.A.* The End of Ancient Christianity. Cambridge University Press, 1990.
23. *Muth R.* Römische Religio // *Serta philological Aenipotana.* 1961. 7/8. P. 247–250.
24. *Nock A.D.* Notes of Ruler-Cult. I–IV // *The Journal of Hellenistic Studies.* 1928. Vol. 48. Part I.

25. *Nock A.D.* Religious Developments from the Close of the Republic to the Death of Nero // *The Cambridge Ancient History*. 1934. 10. P. 481–510.
26. *North J.* Democratic Politics in Republican Rome / Past and Present. 1990. № 126. P. 3–21.
27. *Plecket H.W.* An Aspect of the Emperor Cult: Imperial Mysteries // *Harvard Theological Review*. 1965. V. 58. № 4. P. 333–347.
28. *Price S.R.F.* Gods and Emperors: the Greek Language of the Roman Imperial Cult // *Journal of Hellenic Studies*. 1984. 104.
29. *Price S.R.F.* Rituals and Power: Roman Imperial Cult in Asia Minor. Cambridge, 1985.
30. *Roemischer Kaiserkult* / Ed. A. Wlosok. Darmstadt, 1978.
31. *Saller R.P.* Patriarchy, Property and Death in the Roman Family. Cambridge University Press, 1994.
32. *Saller R.P.* Personal Patronage under the Early Empire, 1982.
33. *Scheid J.* Religion et piété à Rome, 1985.
34. *Taylor L.R.* The Divinity of the Roman Emperor. Middletown, Connecticut, 1931.
35. *Treggiani S.* Roman Freedmen during the Late Republic. Oxford, 1969.
36. *Warde Fowler W.* Romans Ideas of Deity. Oxford, 1911.
37. *Weinstock S.* Divus Julius. Oxford, 1971.
38. *Woolf G.* Divinity and Power in Ancient Rome // Religion and Power. Divine Kingship In the Ancient World and Beyond / Ed. Brisch N. The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institutes Seminars. Chicago, Illinois: University of Chicago, 2008. P. 243–259.
39. *York M.* Pagan Theology: Paganism as a World Religion. New York University Press, 2003.
40. *Zanker P.* Augustus und die Macht der Bilder. München, 1987.